

АЛЫЕ СЛЁЗЫ АРКАИНСКОГО ЗАМКА

The illustration depicts a gothic romance scene. A pale, dark-haired man with a high-collared white shirt and a black cape with a red lining embraces a woman with long, wavy red hair. She wears a dark blue dress and a necklace with a cross. They are positioned in front of a dark, imposing castle with multiple spires and stained glass windows. A large, full moon hangs in the dark sky, and several red teardrops or blood droplets are scattered around the scene, some falling from the top.

Лина Клех

18+

Лина Клех

Алые Слёзы

Аркаинского Замка

<https://litres.ru/74377178>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я никогда не верила в проклятия. До той ночи, когда переступила порог Аркаинского замка.

Меня зовут Розалин, я целительница. Мне предложили золото за исцеление принца Эдмонда. Я согласилась, не зная, что иду в логово чудовища.

Пять женщин умерли от его рук. Каждое полнолуние древнее проклятие превращает его в монстра, жаждущего крови. У меня двадцать шесть дней, чтобы разгадать тайну проклятия. Или стать шестой жертвой.

Но принц Эдмонд — не просто убийца. Его прикосновения обжигают. Его взгляд проникает в душу. Его губы шепчут мое имя как молитву и проклятие.

Днем я ищу способ спасти его. Ночью теряюсь в его объятиях, забывая об опасности и смерти. Его губы на моей шее. Его руки на моей коже. Его тело, прижимающее меня к холодным стенам. Это безумие, от которого я не могу отказаться.

Лина Клех

Алые Слёзы

Аркаинского Замка

ЭПИГРАФ

«Говорят, любовь побеждает тьму.

Они лгут.

Иногда любовь становится тьмой.

И это самое прекрасное проклятие из всех.»

— Розалин Эвергрин

ПРОЛОГ

1789 год, Северные земли

Дождь хлестал по витражным окнам, и капли, подобно слезам, оставляли кровавые дорожки на цветном стекле. Молния рассекла небо, на мгновение осветив громадный зал Аркаинского замка, где среди искаженных теней и покрытых пылью гобеленов стоял юноша. Его силуэт отражался в бесчисленных осколках разбитого зеркала, раскиданных по

мраморному полу.

Принц Эдмонд Аркаинский стоял неподвижно, вперив взгляд в свои ладони, покрытые алой жидкостью, которая медленно стекала между пальцев. Тело молодой девушки лежало у его ног, безжизненное и прекрасное, как сломанная фарфоровая кукла. Её длинные золотистые волосы разметались по полу, напоминая солнечные лучи, которых так давно не видели эти стены. Белое платье превратилось в кроваво-красное.

— Что я наделал? — шепот принца растворился в раскате грома. — Что я... снова... наделал?

Он упал на колени, дрожащими руками касаясь лица девушки. Её губы, еще недавно шептавшие слова любви, теперь были холодны и безмолвны. Глаза, смотревшие на него с обожанием, закрылись навеки.

— Милорд, — седой слуга появился в дверном проеме, держа подсвечник, чье пламя дрожало от сквозняка, — мы должны позаботиться о... последствиях.

— Я обещал ей защиту, Горацио, — голос Эдмонда был пустым, лишенным всяких эмоций. — Я говорил, что ничего с ней не случится в этих стенах.

Старый камердинер тяжело вздохнул, подходя ближе.

— Проклятие снова взяло верх, милорд. Вы не властны над ним в полнолуние.

— Это уже пятая, — принц поднялся, отступая от тела, как будто только сейчас осознавая весь ужас произошедше-

го. — Пятая женщина, умершая от моих рук.

Молния снова озарила зал, на секунду выхватив из темноты фамильный портрет на стене. С холста смотрел мужчина средних лет с холодными глазами и жестокой усмешкой — отец Эдмонда, предыдущий герцог Аркаинский.

— Я должен положить этому конец, Горацио. Любой ценой.

Слуга склонил голову:

— Мы ищем решение уже семь лет, милорд. С тех самых пор, как ваш отец...

— Не произноси его имя! — рявкнул принц, и его голос эхом разнесся по пустым коридорам замка. — Это он навлек проклятие на наш род. Его высокомерие, его жестокость...

Эдмонд подошел к разбитому зеркалу и вгляделся в один из уцелевших осколков. Собственное отражение испугало его — бледное лицо с темными кругами под глазами, искаженное мукой и гневом, с застывшими красными дорожками на щеках. Он не сразу понял, что это кровь девушки, а не его собственные слезы.

— Последняя ведьма перед смертью обещала, что проклятие падет на весь род Аркаинских, — тихо произнес Горацио, накрывая тело девушки парчовой тканью. — Но ходят слухи, что в деревне Верескового Холма живет целительница, чьи способности...

— Еще одна ведьма? — горько усмехнулся Эдмонд. — Чтобы проклясть нас еще сильнее?

— Говорят, эта девушка иная. Она исцеляет самые страшные недуги, а ее руки могут снимать даже древние проклятия.

Принц медленно повернулся к слуге, и в его глазах мелькнуло то, чего не было уже много лет — крошечная искра надежды.

— Найди ее, — приказал он. — Но только... только не приводи ее сюда. Я поеду сам. Инкогнито.

— Но милорд, ваше состояние...

— Я сказал, найди ее! — В голосе Эдмонда зазвенела сталь. — Я не могу... не буду... больше так жить.

Горацио поклонился и отступил к двери, оставляя принца наедине с его горем и чувством вины.

Когда слуга ушел, Эдмонд упал в кресло у камина, глядя на танцующие языки пламени. Огонь отражался в его глазах, делая их похожими на глаза дикого зверя. Он знал — следующее полнолуние наступит через двадцать шесть дней. У него есть ровно столько времени, чтобы найти решение, или... или положить конец своему проклятому существованию раз и навсегда.

Снаружи молния ударила в один из шпилей замка, и отколовшийся камень рухнул вниз, в темную пропасть. Как предзнаменование.

Глава 1. ЗОЛОТО И ПРОКЛЯТЬЯ

Я проснулась от стука дождя по крыше. Серый рассветный свет едва пробивался сквозь единственное окно моей маленькой комнаты, и на мгновение я позволила себе просто лежать, слушая, как капли барабанят по черепице. Отец говорил, что дождь — благословение для трав в саду. Я улыбнулась этому воспоминанию, хотя сердце сжалось от тоски.

Генрих Эвергрин умер прошлой весной, оставив мне этот маленький каменный домик на окраине Верескового Холма, сад целебных трав и все свои знания, тщательно записанные в потрепанных книгах. Теперь, в свои двадцать лет, я была единственной целительницей в деревне, которую все остальные обходили стороной.

Слишком близко к проклятому месту, шептали путники.

Слишком часто оттуда доносятся странные звуки в полнолуние.

Слишком много пропавших без вести.

Но для меня Вересковый Холм был единственным домом, который я знала.

Я встала с постели и босиком подошла к столу, где в тусклом свете лежала открытая книга рецептов отца. Страницы пожелтели от времени, чернила местами выцвели настолько, что разобрать написанное было почти невозможно.

— Три листа ясенника, щепотка сушеного шалфея и...
— я нахмурилась, прищурившись, — и корень мандрагоры, размером с мизинец.

Вздохнув, я закрыла книгу. Корень мандрагоры — ред-

кость в этих краях. Последние запасы ушли на лечение лихорадки, охватившей деревню зимой. Чтобы найти новые, мне придется отправиться в лес. К самым границам владений Аркаинских.

Туда, куда никто из жителей деревни не осмеливался заходить.

Мои пальцы машинально коснулись серебряного крестика на шее — подарка матери, одной из немногих вещей, что остались от неё. Мать умерла, когда мне было всего пять лет. Я почти не помню её лица, но отчетливо помню руки — всегда теплые, от которых исходило странное мягкое свечение, когда она лечила больных.

— Твоя мать была особенной, — говорил отец в редкие минуты откровенности. — У неё был дар. Настоящий дар, Розалин. И ты унаследовала его.

Я не была уверена в этом. Да, иногда мои руки наливались необъяснимым теплом, когда я касалась лихорадящих больных. Да, иногда раны заживали быстрее, чем должны были. Но было ли это магией или просто умелым применением трав отца, я не знала.

Стук в дверь вырвал меня из размышлений.

— Розалин! — раздался знакомый голос Марты. — Открывай скорее! Госпожа Бейкер совсем плоха!

Я быстро набросила шаль и открыла дверь. Моя подруга детства стояла на пороге, промокая под дождем, с перекошенным от волнения лицом.

— Лихорадка? — спросила я, пропуская её внутрь.

— Хуже. Она начала бредить, называет имена умерших детей, — Марта тяжело дышала. — Муж её боится, что она не доживет до вечера.

Я подошла к полкам с лекарствами, быстро оценивая запасы. Жар коры, настойка валерианы, сушеная ромашка... но без корня мандрагоры эффект будет временным.

— Мне нужна мандрагора, — сказала я тихо, больше себе, чем Марте.

— Ты же не собираешься идти *туда*? — голос подруги дрогнул.

Я обернулась к ней. В свете свечи лицо Марты казалось бледнее обычного.

— Госпожа Бейкер не доживет до конца недели без лекарства, — ответила я. — У нее пятеро детей.

— А у тебя одна жизнь! — Марта схватила меня за руку. — Ты же знаешь, что случается с теми, кто подходит слишком близко к Аркаинскому лесу!

Я подошла к окну и посмотрела на туманную даль, где за холмами темнела линия леса. Где-то там, в глубине этого леса, стоял замок, о котором рассказывали страшные истории. Замок, хозяина которого не видели в деревне уже семь лет.

Принц-вампиры, шептали старухи.

Проклятый монстр, говорили мужчины.

Убийца всех девушек, нанимавшихся на службу в замок, предупреждали матери своих дочерей.

— Я должна помочь, — сказала я, не отрывая взгляда от темного леса. — Иначе какой смысл в даре, который мне дан?

— Твой отец никогда бы не одобрил такого риска!

Я улыбнулась, вспомнив:

— Неправда. Ты забыла, как он ходил за травами к Северным болотам во время эпидемии оспы? Все говорили, что он не вернется. Но он вернулся. С нужными травами.

— И умер менее чем через год, — мрачно напомнила Марта.

— От простуды, которую подхватил, помогая господину Миллеру чинить крышу, — возразила я. — Не от проклятия и не от болот.

Я подошла к стене, где висел потертый кожаный мешочек — отцовская сумка для сбора трав. Сняв её с крючка, я бережно провела пальцами по вытисненным инициалам: "Г.Э." — Генрих Эвергрин. Даже прикосновение к коже вызывало тепло воспоминаний — как отец учил меня различать травы, как терпеливо показывал, как правильно сушить корни, как смешивать настойки.

— Я пойду на рассвете, — решительно сказала я. — И вернусь до заката.

Марта покачала головой, и я увидела, как блеснули слезы на её ресницах:

— Хотя бы возьми с собой Томаса. Он хороший охотник и знает лес.

— Томас не пойдёт к границам Аркаинских земель, — я вздохнула. — Ни за какие деньги. После того, что случилось с его братом...

Мы замолчали. Три года назад. Джереми. Горло, разорванное словно диким зверем. Тело, обескровленное и бледное, как мрамор. Я сама видела его, когда принесли в деревню. Видела рану на шее, слишком ровную для клыков животного, слишком жуткую для человеческих рук.

— Тогда я пойду с тобой, — голос Марты дрожал, но в нём звучала решимость.

— А кто будет смотреть за твоими младшими братьями? — мягко возразила я.

— Нет, я справлюсь сама. К тому же, я просто собираю травы. Не собираюсь стучаться в ворота замка и представляться проклятому принцу. — я попыталась улыбнуться

Марта не улыбнулась в ответ. Вместо этого она достала из кармана маленький мешочек и протянула мне.

— Соль. Освященная отцом Уильямом. Рассыпь круг, если почувствуешь опасность. Он говорит, что это защитит от нечисти.

Я взяла мешочек, хотя не верила в подобные суеверия. Но отказываться было бы жестоко — Марта пыталась помочь единственным доступным ей способом.

— Спасибо, — я сжала её руку. — А теперь иди. Передай госпоже Бейкер, что я приду с лекарством до захода солнца.

Когда дверь за Мартой закрылась, я быстро оделась. Гру-

бая шерстяная юбка, льняная рубашка, тёплый жилет и старый плащ отца с капюшоном. Я заплела волосы в тугую косу, чтобы не мешали, и надела крепкие кожаные ботинки.

В сумку я положила нож для срезания корней, небольшую лопатку, моток верёвки и фляжку с водой. Последним я взяла маленькую книжку с рисунками трав — отец всегда говорил, что ошибка в определении растения может стоить жизни.

Дождь к тому времени прекратился, но небо оставалось затянутым свинцовыми тучами. Я вышла из дома и направилась к лесу.

Деревня только просыпалась. Из труб поднимался дым, где-то лаяла собака, скрипела калитка. Несколько человек видели меня, но никто не окликнул. Все знали, куда я иду. И все молча осуждали мою глупость.

Лес встретил меня шёпотом листвы и запахом влажной земли. Сначала деревья были редкими — берёзы и дубы, между которыми росла знакомая мне растительность. Я шла уверенно, собирая по пути зверобой и дикую мяту — пригодятся для других лекарств.

Но чем дальше я углублялась, тем темнее становилось вокруг. Деревья здесь росли плотнее, их ветви переплетались, создавая почти непроницаемый полог. Воздух стал холоднее, и я поёжилась, плотнее запахивая плащ.

Птицы здесь не пели.

Эта мысль пришла внезапно, и я остановилась, прислу-

шиваясь. Тишина. Полная, давящая тишина. Ни щебета, ни шороха, ни треска веток под лапами мелких зверей. Ничего.

Словно лес вымер.

Или затаился.

— Не будь глупой, — пробормотала я себе под нос. — Это просто лес.

Но руки сами собой сжались на ремне сумки.

Я шла ещё около часа, пока не увидела то, что искала. В ложбине между двумя старыми дубами, там, где земля была влажной и тёмной, росла мандрагора. Её широкие листья были безошибочно узнаваемы.

Я опустилась на колени и осторожно начала раскапывать землю вокруг растения. Отец учил меня делать это медленно, чтобы не повредить корень. Земля была мягкой после дождя, и работа шла легко.

Именно поэтому я слышала шаги.

Медленные. Размеренные. Приближающиеся.

Я замерла, не поднимая головы. Сердце забилося быстрее. Может, охотник? Лесник? Просто путник?

Но здесь никто не ходил. Все боялись.

Шаги остановились в нескольких метрах позади меня.

— Смелая маленькая целительница, — произнёс мужской голос. Низкий, бархатный, с едва уловимой насмешкой. — Или просто безрассудная?

Я медленно обернулась, вставая на ноги.

И увидела его.

Мужчина стоял в нескольких шагах, опираясь плечом о ствол дерева. Высокий, одетый в чёрное с головы до ног. Тёмные волосы падали на лоб, частично скрывая лицо. Но я видела его глаза.

Серо-голубые. Холодные. Пронзительные.

И смертельно усталые.

— Кто вы? — мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидала.

Он усмехнулся, и это движение губ было больше похоже на оскал.

— Разве ты не догадываешься? — он сделал шаг вперёд, и я инстинктивно отступила. — Ты пришла в мой лес. На мои земли. Крадёшь мои растения.

Аркаинский лес. Владения семьи Аркаин.

Осознание ударило, как ледяная вода.

— Вы... — я сглотнула. — Принц Эдмонд?

— О, она знает моё имя, — он наклонил голову, изучая меня с любопытством хищника, разглядывающего необычную добычу. — Интересно. Обычно девушки из деревни разбегаются при одном упоминании обо мне. А ты пришла прямо в логово чудовища.

— Я не знала, что зашла так далеко, — я попыталась звучать спокойно. — Мне нужна мандрагора. Для лекарства. Женщина умирает.

— И ради этого ты рискнула жизнью? — он приблизился ещё на шаг. Я увидела его лицо яснее. Резкие, аристократические черты. Бледная, почти белая кожа. Тёмные круги под

глазами. И что-то ещё — что-то неправильное, что заставляло каждый инстинкт в моём теле кричать: «Беги!»

— Жизнь одна, — ответила я, поднимая подбородок. — И госпожа Бейкер заслуживает шанса прожить свою.

Эдмонд замер. Что-то мелькнуло в его глазах — удивление? Уважение?

— Ты не боишься меня, — это прозвучало не как вопрос, а как констатация факта, которая его озадачивала.

— Боюсь, — честно призналась я. — Но страх не должен останавливать от правильных поступков. Так говорил мой отец.

— Мудрый человек, твой отец, — Эдмонд отвёл взгляд, и я увидела, как напряглась его челюсть. — Жаль, что он не научил тебя здравому смыслу.

Он развернулся, собираясь уйти.

— Возьми свою мандрагору, — бросил он через плечо. — И больше не приходи сюда. В следующий раз я могу быть... не столь сдержанным.

— Подождите! — выкрикнула я прежде, чем успела подумать.

Он остановился, но не обернулся.

— Говорят, вы больны, — слова вырвались сами. — Говорят, вас не могут вылечить никакие лекари.

Тишина была такой плотной, что я слышала собственное сердцебиение.

— И что с того? — его голос стал опасно тихим.

— Я целительница, — я сделала шаг вперёд. — Возможно, я смогу помочь.

Эдмонд медленно обернулся. На его лице была смесь недоверия, горечи и чего-то похожего на отчаяние.

— Ты хочешь помочь мне? — он рассмеялся, и этот звук был лишён всякого веселья. — Глупая, отважная девочка. Ты даже не представляешь, что я такое.

— Тогда расскажите мне, — я встретила его взгляд, хотя всё внутри сжималось от страха.

Он двинулся ко мне так быстро, что я не успела моргнуть. Внезапно он оказался в сантиметре от меня, его рука сжала моё запястье железной хваткой, а его лицо было так близко, что я чувствовала холод, исходящий от его кожи.

— Я убийца, — прошептал он, и в его глазах мелькнуло что-то алое. — Чудовище. Проклятие. Каждое полнолуние я превращаюсь в монстра и убиваю. Пять женщин уже мертвы от моих рук. Ты хочешь стать шестой?

Его хватка не причиняла боли, но я чувствовала нечеловеческую силу в его пальцах. Одно движение — и он мог сломать мне кости.

Но я не отвела взгляда.

— Если бы вы хотели убить меня, — сказала я тихо, — вы бы уже сделали это. Вместо этого вы предупреждаете. Пытаетесь отпугнуть. Значит, внутри вас ещё есть что-то человеческое.

Его глаза расширились. Хватка ослабла.

— Ты играешь с огнём, маленькая целительница.

— Возможно, — я осторожно высвободила руку. — Но огонь можно приручить. Если знать как.

Мы стояли так, глядя друг на друга, и воздух между нами словно наэлектризовался.

Затем Эдмонд резко отступил.

— До полнолуния два дня, — сказал он глухо. — Если ты действительно так безрассудна... приходи в замок завтра на рассвете. Себастьян, мой управляющий, встретит тебя у ворот.

— Я приду, — ответила я без колебаний.

Он посмотрел на меня долгим, непостижимым взглядом.

— Тогда молись, чтобы успеть разгадать моё проклятие, — его голос был почти нежным. — Потому что если нет... я убью тебя. И буду помнить это. Это худшее проклятие из всех — помнить каждое убийство.

С этими словами он развернулся и растворился в тенях леса так же внезапно, как появился.

Я осталась стоять одна, с бешено колотящимся сердцем и холодным осознанием того, что только что согласилась войти в логово чудовища.

Но когда я вернулась к мандрагоре и дрожащими руками выкопала корень, на губах моих играла странная улыбка.

Где-то глубоко внутри, в месте, где жила моя материнская магия, что-то откликнулось. Что-то узнало в этом проклятом принце нечто знакомое.

Боль. Одиночество. Отчаянную потребность в спасении, в которой он сам себе не признавался.

Я приду в замок завтра.

И спасу его.

Или умру, пытаюсь.

Обратный путь показался короче. Или, может, я просто не замечала дороги, погружённая в свои мысли. Образ принца не отпускал — его холодные серо-голубые глаза, в которых плескалось отчаяние. Его голос, когда он говорил о проклятии. Его близость, от которой по коже побежали мурашки.

Опасность. Он был воплощением опасности.

И я шла прямо к ней.

Дома я быстро приготовила лекарство для госпожи Бейкер — измельчила корень мандрагоры, смешала с другими травами, залила кипятком. Пока настойка остывала, я смотрела в окно на темнеющий лес.

Завтра на рассвете.

«До полнолуния два дня», — эхом отдавались его слова.

Что происходит с ним в полнолуние? Трансформация? В волка? В нечто худшее? И почему он убивает именно женщин?

Вопросы роились в голове, но ответов не было.

К вечеру госпожа Бейкер уже могла сидеть. Жар спал, безумие ушло из глаз. Её муж плакал от благодарности, предлагал мне всё, что у них было.

Я отказалась от денег. Завтра мне предстояло получить

куда большую плату — если я выживу.

Ночь выдалась беспокойной. Я ворочалась в постели, то проваливаясь в тревожный сон, то просыпаясь от шороха за окном. Дважды мне казалось, что кто-то стоит под окном и смотрит на мой дом. Но когда я подходила к стеклу, там никого не было. Только тени и ветер.

Хотя один раз... один раз я точно видела силуэт. Высокий. Неподвижный. Растворившийся в темноте, стоило мне моргнуть.

Он следил за мной?

Эта мысль должна была напугать. Вместо этого что-то тёплое и опасное шевельнулось внизу живота.

Я легла обратно, прижав ладони к горящим щекам.

— Что со мной не так? — прошептала я в темноту.

Темнота не ответила...

Рассвет выдался туманным. Молочно-белая пелена окутывала всё вокруг, превращая знакомый мир в призрачный. Я оделась в самое простое платье — тёмно-синее, с длинными рукавами и высоким воротом. Волосы заплела в косу и уложила венком вокруг головы. Серебряный крестик матери спрятала под ткань — он казался единственной защитой в том месте, куда я направлялась.

Марта прибежала, когда я уже выходила из дома.

— Ты правда идёшь? — её голос дрожал. — Роза, пожалуйста, не надо. У меня всю ночь было плохое предчувствие.

— Я должна, — я обняла её. — Но если я не вернусь через три дня... скажи отцу Уильяму. Пусть он сделает, что сочтёт нужным.

— Три дня? — Марта побледнела. — Почему три?

Потому что через два дня полнолуние. И либо я найду способ разрушить проклятие, либо стану его жертвой.

— Просто... доверься мне, — я выпустила её из объятий и пошла к лесу, не оборачиваясь.

Если обернусь, то не смогу уйти.

Лес встретил меня тишиной. Туман здесь был ещё плотнее, превращая деревья в призрачные фигуры. Я шла по едва различимой тропе, и с каждым шагом холод усиливался. Не обычный утренний холод, а что-то более глубокое. Проникающее в кости.

Я шла около часа, когда деревья внезапно расступились, и передо мной открылся вид на замок.

В утреннем тумане он выглядел ещё более зловеще. Чёрные стены, казалось, поглощали свет. Высокие башни терялись в низких облаках. Окна зияли темнотой. И над всем этим — атмосфера чего-то древнего, могущественного и смертельно опасного.

Я подошла к воротам.

Они были массивными, из почерневшего дерева, окованного железом. На них не было ни звонка, ни молотка. Я подняла руку, чтобы постучать—

Ворота бесшумно отворились.

Внутри стоял человек в безупречном чёрном костюме. Седые волосы, аккуратная борода, пронизательные тёмные глаза.

— Мисс Эвергрин, — его голос был вежлив, но холоден. — Меня зовут Себастьян Грей. Принц ожидает вас.

— Он предупредил вас о моём визите?

— Принц сообщил мне вчера вечером, — Себастьян сделал приглашающий жест. — Прошу, следуйте за мной.

Я переступила порог.

Ворота за моей спиной закрылись с глухим звуком, от которого по спине пробежал холодок.

Внутренний двор замка был пуст и безжизнен. Мощёные камнем дорожки, голые клумбы, фонтан, давно переставший работать. Всё покрыто патиной запустения.

— Замок... кажется необитаемым, — осторожно заметила я.

— Почти так и есть, — ответил Себастьян, поднимаясь по ступеням к главному входу. — Слуги покинули замок семь лет назад, когда... началось проклятие. Остались только я и повар. Остальные побоялись остаться.

— А вы не боитесь?

Он остановился у двери и посмотрел на меня.

— Принц Эдмонд был мне как сын, мисс Эвергрин. Я менял ему пелёнки, учил ездить верхом, утешал, когда умерла его мать. Я не оставлю его сейчас, когда он нуждается во мне больше всего. Даже если это стоит мне жизни.

В его словах была такая преданность, что у меня перехватило горло.

— Он... нападает на вас? Во время трансформации?

— Нет, — Себастьян открыл дверь. — Принц запирается в башне в полнолуние. Я слышу вой, крики, звуки ярости. Но он никогда не пытался выйти, не пытался навредить мне. Те женщины... они были с ним в башне. По собственной воле. Он предупреждал каждую из них. Но они не верили. Или думали, что смогут его спасти.

— И что случилось с ними?

Себастьян не ответил. Его молчание было красноречивее любых слов.

Мы вошли в замок.

Внутри было темно. Высокие окна пропускали мало света, и тот, что проникал внутрь, казался мутным, нездоровым. Коридоры были широкими, с высокими сводчатыми потолками. Стены украшали портреты — суровые мужчины и прекрасные женщины в старинных одеждах. Все с одинаково холодными серо-голубыми глазами.

Семья Аркаин.

— Принц в библиотеке, — сказал Себастьян, останавливаясь у массивной двустворчатой двери из тёмного дерева. — Он... не спал всю ночь. Пытался найти что-то в древних книгах. Что-то, что могло бы помочь.

Себастьян постучал.

— Войдите, — донёсся глухой голос изнутри.

Себастьян открыл дверь и отступил, пропуская меня вперёд.

Библиотека была огромной. Стеллажи от пола до потолка, заставленные книгами. Запах старой бумаги, кожи и пыли. Единственный источник света — камин, в котором тлели угли, и несколько свечей на массивном столе в центре комнаты.

За столом сидел Эдмонд.

Он не поднял головы, когда я вошла. Склонился над раскрытым фолиантом, чёрные волосы падали на лицо. Он был одет в простую белую рубашку с расстёгнутым воротом и чёрные брюки. Рукава рубашки закатаны, обнажая сильные предплечья.

На его руках я увидела тёмные вены, словно чернила растекались под кожей.

— Ты пришла, — сказал он, не поднимая глаз. — Я думал, за ночь благоразумие возьмёт верх.

— Я не из тех, кто отступает от данного слова.

Он наконец посмотрел на меня, и я едва сдержала вздох.

Он выглядел измождённым. Тёмные круги под глазами стали ещё глубже. Кожа была настолько бледной, что казалась прозрачной. Но хуже всего были глаза — в них плескалась такая безграничная усталость, что захотелось подойти и обнять его.

Опасная, безумная мысль.

— Садись, — он кивнул на кресло напротив. — Полагаю,

ты хочешь знать историю моего проклятия?

Я села, складывая руки на коленях.

— Да.

Эдмонд откинулся на спинку кресла, закрыв глаза.

— Семь лет назад, — начал он, — в ночь моего двадцатилетия, в замок пришла женщина. Красивая, загадочная. Она представилась как леди Моргана, дальняя родственница по материнской линии. Я не должен был её впускать. Что-то в ней было... неправильным. Но я был молод, самоуверен и слишком вежлив, чтобы отказать даме.

Он открыл глаза, и в них мелькнуло что-то тёмное.

— Она осталась на ночь. Я предложил ей лучшую гостевую комнату. А ночью... — его челюсть напряглась, — ночью она пришла ко мне.

Я молчала, чувствуя, как напряглось всё моё тело.

— Она была прекрасна. Соблазнительна. И я был дураком, — горечь в его голосе была почти осязаемой. — Она соблазнила меня. Я думал... думал, это просто страсть. Взаимное влечение. Но когда всё закончилось, она рассмеялась. И сказала, что я только что проклял себя.

Он встал из-за стола и подошёл к камину, глядя в угасающее пламя.

— Моргана была ведьмой. Могущественной и древней. И я отверг её — не в ту ночь, а давным-давно, когда был ещё ребёнком. Она предложила моей матери союз наших семей. Обещала власть, богатство, бессмертие. Мать отказа-

лась. Сказала, что мы, Аркаины, не продаём души за силу.

Он повернулся ко мне, и в свете камина его лицо казалось высеченным из мрамора.

— Моргана ждала. Двадцать лет ждала, чтобы отомстить. И в ночь моего совершеннолетия она наложила проклятие. Каждое полнолуние я буду превращаться в зверя. Не волка — нечто худшее. Существо, жаждущее крови. И единственный способ снять проклятие...

Он замолчал.

— Какой? — прошептала я.

Эдмонд усмехнулся — горько, безнадежно.

— Я должен найти женщину, которая полюбит меня не вопреки чудовищу внутри меня, а вместе с ним. Которая примет обе стороны — человека и зверя. И доказать эту любовь, отдавшись мне в полнолуние. Добровольно. Зная, что я могу убить её.

Молчание повисло тяжёлым покровом.

— Пять женщин пытались, — продолжил он тихо. — Пять смелых, глупых женщин, которые думали, что смогут спасти меня. Все утверждали, что не боятся. Что их любовь сильнее проклятия. Но когда наступало полнолуние, когда они видели, во что я превращаюсь... страх брал верх. Они пытались убежать. А зверь внутри меня...

Он сжал кулаки так, что костяшки побелели.

— Зверь внутри меня чувствует страх. Питается им. И чем больше они боялись, тем яростнее он становился. Я пом-

ню каждый крик. Каждую каплю крови. Каждое мгновение, когда жизнь покидала их тела. И не могу ничего сделать. Просто наблюдаю из клетки собственного разума, как моё тело совершает чудовищные вещи.

Его голос дрогнул на последних словах.

Я встала и подошла к нему. Близость огня согревала, но холод, исходивший от Эдмонда, был сильнее. Я протянула руку и осторожно коснулась его предплечья, где тёмные вены расплзались паутиной под кожей.

Он вздрогнул от прикосновения, но не отстранился.

— Проклятие распространяется, — сказал он, глядя на мою руку на своей коже. — С каждым полнолунием вены темнеют. Становятся больше. Скоро они доберутся до сердца, и тогда... трансформация станет постоянной. Я превращусь в зверя навсегда.

— Сколько времени у нас есть?

— Три полнолуния. Может, четыре, — он наконец посмотрел мне в глаза, и то, что я увидела в их глубине, заставило сердце сжаться. Отчаяние. Безднадёжность. И крошечная, едва тлеющая искра надежды, которую он боялся признать. — Но завтра ночью... завтра ночь полнолуния. И у меня нет права просить тебя остаться. Нет права втягивать ещё одну жизнь в этот кошмар.

— А если я сама хочу остаться?

Слова вырвались прежде, чем я успела их обдумать.

Эдмонд резко развернулся ко мне, его рука схватила моё

запастье — не больно, но крепко.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь, — его голос стал низким, почти рычащим. — Ты не видела, во что я превращаюсь. Ты не знаешь, что значит лежать подо мной и видеть, как человеческое исчезает из моих глаз. Как появляются клыки. Как руки превращаются в когти.

Он притянул меня ближе, так близко, что я чувствовала его дыхание на своей коже.

— Ты не представляешь, каково это — желать женщину так сильно, что это причиняет боль, и одновременно знать, что одно прикосновение может её убить. Что поцелуй может обернуться укусом. Что страсть неотделима от насилия.

Его свободная рука поднялась к моему лицу, пальцы на мгновение зависли в воздухе, дрожа, словно он боролся с желанием прикоснуться.

— Я не трогал женщину семь лет, Розалин, — прошептал он, и в его голосе была такая тоска, что дыхание перехватило. — Семь лет я боялся даже мимолётного касания. Боялся, что монстр внутри проснётся не только в полнолуние. Что однажды я потеряю контроль и в обычный день. И вот ты стоишь здесь, такая тёплая, живая, смелая... и я хочу тебя так сильно, что это пугает меня больше, чем само проклятие.

Его пальцы наконец коснулись моей щеки — лёгкое, почти призрачное прикосновение. Его кожа была холодной, но там, где он касался меня, разливалось жгучее тепло.

— Я хочу провести пальцами по твоим волосам, — его

голос стал хриплым. — Хочу узнать, такие ли твои губы мягкие, как кажутся. Хочу прижать тебя к стене и целовать, пока ты не забудешь собственное имя. Хочу раздеть тебя медленно, пробуя на вкус каждый дюйм твоей кожи. Хочу услышать, как ты кричишь моё имя в экстазе.

Воздух между нами накалился.

— Но я не могу, — он резко отстранился, отворачиваясь. — Потому что если начну, то не смогу остановиться. А зверь ждёт. Всегда ждёт. Готовый вырваться и разорвать на части всё, что я люблю.

Я стояла, тяжело дыша, всё тело пылало от его слов. От образов, которые они рисовали. От опасности и обещания в его голосе.

Безумие. Это было безумие — желать его после таких слов. После таких угроз.

Но материнская кровь во мне пела. Тепло разливалось в груди, спускалось ниже. Магия узнавала магию. Тьма звала тьму.

— Эдмонд, — я сделала шаг к нему.

— Не подходи, — предупредил он, не оборачиваясь. Его плечи напряглись. — Прошу тебя, Розалин. У меня едва хватает сил сдерживаться.

— А если я не хочу, чтобы ты сдерживался?

Он обернулся так быстро, что я вскрикнула. В одно мгновение он оказался передо мной, его руки легли на мои плечи, прижимая к книжным полкам за спиной.

— Не играй со мной, — его глаза полыхали, и в них мелькало что-то красное. — Не дразни зверя, если не готова столкнуться с последствиями.

— Я не дразню, — я подняла руку и коснулась его лица, проводя пальцами по холодной щеке. — Я хочу понять. Хочу помочь. Хочу...

— Что? — он накрыл мою руку своей, прижимая к своему лицу. — Что ты хочешь, Розалин?

— Не знаю, — честно призналась я. — Но когда я рядом с тобой, что-то внутри меня откликается. Словно я всю жизнь искала что-то, а теперь нашла. Это безумие. Мы едва знакомы. Ты опасен. Проклят. Можешь убить меня. Но я...

Я замолчала, не зная, как объяснить то, что сама не понимала.

Эдмонд смотрел на меня долгим взглядом, в котором боролись надежда и страх.

— Магия, — прошептал он наконец. — Во мне есть магия проклятья. А в тебе... в тебе что-то ещё. Что-то светлое. Целительское. Они притягиваются. Как день и ночь. Как огонь и лёд.

Его большой палец провёл по моей нижней губе, и я непроизвольно прикрыла глаза от ощущений.

— Опасно, — прохрипел он. — То, что между нами, слишком опасно.

— Знаю.

— Ты можешь умереть.

— Знаю.

— Я могу сделать тебе больно. Могу разорвать тебя на части.

— Знаю.

Он наклонился ближе, его губы почти касались моих.

— Тогда почему ты не убегаешь?

— Потому что ты того стоишь, — прошептала я, открывая глаза и встречая его взгляд. — Потому что под всем этим мраком, под проклятием и страхом я вижу человека, который не хочет быть монстром. Который сражается каждый день, чтобы не сдаться тьме. И такой человек заслуживает шанса.

Что-то сломалось в его глазах.

— Розалин, — выдохнул он моё имя, как молитву и проклятие одновременно.

И поцеловал меня.

Это не был нежный поцелуй. Это было отчаяние, голод, семилетнее воздержание, выливающееся в одно неистовое касание. Его губы накрыли мои, жёсткие, требовательные, почти грубые. Он целовал так, словно я была глотком воды в пустыне, последним вдохом перед смертью.

Я ответила с той же страстью, вплетая пальцы в его волосы, притягивая ближе. Он был холодным, но там, где наши тела соприкасались, возникало пламя. Мои руки согревали его кожу, и он стонал мне в губы, прижимаясь сильнее.

Его руки скользили по моей спине, талии, бёдрам —

нетерпеливо, жадно, словно он пытался запомнить каждый изгиб. Одна рука зарылась в мои волосы, распуская аккуратную причёску. Другая сжала моё бедро, приподнимая, прижимая к себе.

Я почувствовала его твёрдость сквозь слои ткани и задохнулась от осознания, как сильно он меня желает.

Он оторвался от моих губ, целуя линию челюсти, спускаясь к шее. Его дыхание было горячим на моей коже, губы оставляли жгучий след.

— Господи, твой запах, — выдохнул он в изгиб между шеей и плечом. — Ты пахнешь травами, дождём и чем-то сладким. Я чувствовал его всю ночь. Не мог спать, зная, что ты так близко.

Его язык провёл по бешено пульсирующей вене, и я застонала, выгибаясь.

— Эдмонд...

Он замер. Резко. Его дыхание было рваным, тело напряжённым, как натянутая струна.

Медленно, очень медленно, он отстранился. Его глаза... Господи, его глаза полыхали алым. Зрачки расширились, почти поглотив радужку. И когда он открыл рот, чтобы сказать что-то, я увидела клыки.

Острые. Смертоносные. Реальные.

— Уйди, — прохрипел он, отступая. — Немедленно. Уйди, пока я не...

Он вскрикнул, согнувшись пополам. Тёмные вены на его

руках забились, потемнели ещё сильнее. По его телу пробежала судорога.

— Эдмонд! — я шагнула к нему.

— НЕ ПОДХОДИ! — его рык был нечеловеческим.

Дверь библиотеки распахнулась. Ворвался Себастьян, в руках он держал тяжёлые железные оковы.

— Мисс Эвергрин, отойдите от него! — крикнул управляющий. — Быстро!

Но я не могла двигаться. Смотрела, как Эдмонд борется с трансформацией. Как его тело содрогается. Как он вцепился в край стола, и дерево треснуло под нечеловеческой силой.

— Это... не должно... происходить сейчас, — выдавил он сквозь стиснутые зубы. — До полнолуния... ещё день...

— Ваши эмоции слишком сильны, принц, — Себастьян приблизился осторожно. — Проклятие реагирует на страсть. Вы должны успокоиться. Немедленно.

Эдмонд поднял на меня глаза, и в них была мука.

— Уйди... пожалуйста... не хочу... причинить тебе боль...

Он рухнул на колени, тяжело дыша.

Себастьян быстро надел на его запястья оковы. Металл зашипел, касаясь кожи, и Эдмонд вскрикнул от боли.

— Серебро, — пояснил управляющий, помогая принцу подняться. — Сдерживает трансформацию. Ненадолго, но этого хватит, чтобы отвести его в башню.

Он повернулся ко мне.

— Мисс Эвергрин, прошу вас, идите в свою комнату. Я

провожу принца в его покои. Вам нельзя видеть его таким.

— Но я могу помочь! Я целительница, я...

— Нет, — Эдмонд поднял голову, и его взгляд был ясным на мгновение. — Ты не можешь исцелить проклятие, Розалин. Только... разрушить. Или погибнуть, пытаюсь.

Себастьян увёл его к двери.

На пороге Эдмонд обернулся.

— Завтра... в полнолуние... я буду в башне. Запертым. Закованным, — его голос дрожал. — Не приходи туда, Розалин. Что бы ни случилось. Что бы ты ни слышала. Обещай мне.

Я не ответила.

Он ждал, его глаза умоляли.

— Обещай!

— Я... не могу.

Эдмонд закрыл глаза, и по его лицу скользнула гримаса боли — не физической, а душевной.

— Тогда Господь помилуй нас обоих, — прошептал он.

Себастьян увёл его прочь, и их шаги затихли в глубине коридора.

Я осталась стоять в библиотеке, прижимая пальцы к всё ещё горящим губам. Сердце колотилось так, что, казалось, вырвется из груди. Тело всё ещё помнило его прикосновения, его поцелуй, его твёрдость, прижатую к моему телу.

И страх. Острый, леденящий страх от того, что я увидела в его глазах. От клыков. От осознания, насколько тонка грань

между страстью и насилием в нём.

Но под страхом пульсировало что-то другое.

Решимость.

Я не убегу. Не брошу его. Даже если это стоит мне жизни.

Потому что в тот краткий миг, когда его губы касались моих, я почувствовала это. Связь. Глубокую, необъяснимую, пугающую.

Словно наши души узнали друг друга.

И теперь у меня оставалось меньше суток, чтобы найти способ разрушить проклятие.

Или решиться на безумие — войти в башню в полнолуние и столкнуться с чудовищем лицом к лицу.

Я посмотрела на книги, разбросанные по столу. Древние фолианты, исписанные на языках, которые я не знала. Рисунки странных символов. Рецепты зелий, ингредиенты для которых не встречались в природе.

Где-то здесь должен быть ответ.

Должен быть.

Я подошла к столу и открыла первую книгу, вглядываясь в выцветшие строки.

В замке зажглись свечи. Сумерки опускались на Аркаинские земли.

А где-то в башне, за толстыми стенами и железными дверями, Эдмонд боролся с тьмой внутри себя.

И я поклялась, что не дам этой тьме победить.

Даже если придётся сгореть в её пламени.

*За окном библиотеки луна медленно подползала к небу-
своду.*

Почти полная.

Завтра она станет совершенной.

И тогда начнётся настоящий кошмар.

Или спасение.

Время покажет.

Глава 2. НОЧЬ ПЕРЕД ПОЛНОЛУНИЕМ

Я не спала.

Как я могла спать, когда в венах пульсировал адреналин, на губах всё ещё жгло воспоминание о его поцелуе, а разум лихорадочно перебирал всё, что я узнала за этот день?

Себастьян проводил меня в гостевую комнату на втором этаже замка — просторную, с огромной кроватью с балдахинном, тяжёлыми бархатными шторами и камином, в котором уже пылал огонь. Комната была роскошной, но холодной. Не физически — от камина исходило тепло. Холодной в том смысле, в каком бывает необитаемое место.

— Ужин подадут через час, — сказал управляющий на пороге. — Если что-то понадобится, дёрните за шнур у кровати. Я приду немедленно.

— Себастьян, — остановила я его. — Где принц? Как он?

Управляющий помедлил, явно взвешивая, сколько можно мне сказать.

— Принц заперся в своих покоях. Велел никого не впускать до утра. Серебряные оковы помогли, трансформация отступила. Но... — он вздохнул, — чем ближе полнолуние, тем сильнее проклятие. Завтра к закату ему придётся спуститься в башню.

— Покажете мне эту башню?

— Нет, — ответ был категоричным. — Принц запретил. И я не ослушаюсь его приказа, мисс Эвергрин. Простите.

Он ушёл, оставив меня наедине с мыслями.

Ужин принесла пожилая женщина с добрым, усталым лицом — та самая повариха, что осталась в замке. Она поставила поднос с супом, хлебом и вином, перекрестилась и поспешно ретировалась, словно боялась задержаться в моей комнате дольше необходимого.

Я заставила себя поесть — нужны были силы. Потом вернулась к книгам, которые Себастьян разрешил мне взять из библиотеки.

Три толстых фолианта, пахнущих пылью и забвением.

Первая книга была о проклятиях крови — древних, тёмных магических ритуалах, связывающих жертву узами, которые не разорвать обычными средствами. Я читала о жертвоприношениях, о крови невинных, о заклинаниях, написанных на мёртвых языках.

Ничего полезного.

Вторая книга описывала трансформации — оборотней, вампиров, химер. Существ, балансирующих между челове-

ческим и звериным. Там были рисунки, от которых кровь стыла в жилах. Искажённые тела, клыки, когти, глаза, горящие нечеловеческим огнём.

Я пыталась представить Эдмонда таким.

И не могла.

Или не хотела.

Третья книга была самой старой. Обложка из потрескавшейся кожи, страницы пожелтели и истрепались по краям. Название едва читалось: *«Узы Души. О любви, что связывает тьму и свет»*.

Я открыла её с трепетом.

Первая страница была исписана витиеватым почерком на древнем наречии, но под текстом кто-то — возможно, кто-то из предков Эдмонда — сделал перевод чернилами.

«Есть проклятия, что рождены не ненавистью, а любовью отвергнутой. Они самые опасные, ибо питаются не злобой, а болью. И разрушить их можно лишь тем же — любовью. Но не той, что в песнях воспевают. Не светлой, не чистой. А любовью, что готова принять тьму. Что готова сгореть, чтобы согреть. Что готова умереть, чтобы спасти.»

Дальше шло описание ритуала.

Я читала, и с каждой строкой сердце билось всё быстрее.

«В ночь полной луны, когда проклятый обретает истинный облик, его избранница должна прийти к нему. Без страха. Без сомнений. Она должна отдаться ему полностью —

телом, душой, волей. Принять зверя так же, как приняла бы человека. В этом акте, если любовь истинна, проклятие разрушится. Но если в её сердце хоть искра страха, хоть тень сомнения — зверь почувствует. И убьёт.»

Под текстом была сноска, написанная дрожащей рукой:

«Из двадцати трёх задокументированных случаев попыток снять такое проклятие успехом увенчались только двое. В остальных случаях женщины погибли. Мучительно. Жестоко. Этот метод — последняя надежда отчаявшихся. Или самоубийство храбрых.»

Я закрыла книгу, руки дрожали.

Значит, это единственный способ.

Единственный шанс.

Войти в башню завтра ночью. Встретиться с монстром, в которого превращается Эдмонд. И... отдаться ему. Полностью. Без страха.

Безумие.

Чистейшее, абсолютное безумие.

Я встала и подошла к окну. Ночь была безлунной — луна скрывалась за тучами, готовясь к завтрашнему триумфу. Внизу простирался сад, дикий и заброшенный. Дальше — лес, чёрной стеной окружавший замок.

Где-то в этом замке, в своих покоях, Эдмонд ждал рассвета. Последний день перед превращением. Последний день, когда он ещё полностью человек.

Стук в дверь вырвал меня из раздумий.

Я обернулась.

— Войдите.

Дверь открылась медленно, почти неслышно.

На пороге стоял Эдмонд.

Он был бос, одет только в тёмные брюки и расстёгнутую белую рубашку. Волосы растрёпаны, словно он много раз проводил по ним рукой. На запястьях ещё виднелись красные следы от серебряных оков.

Он смотрел на меня так, словно я была миражом, который может исчезнуть в любую секунду.

— Я не должен быть здесь, — сказал он хриплым голосом. — Себастьян велел мне оставаться в своих покоях. Запереться. Не видаться с тобой до... после.

— Но ты пришёл.

— Я не мог не прийти, — он шагнул внутрь, закрывая за собой дверь. — Всю ночь пытался уснуть. Пытался отвлечься. Читал, тренировался с мечом, медитировал. Ничего не помогало. Я чувствовал тебя. Твоё присутствие в замке. Твой запах, проникающий сквозь камни. Твоё сердцебиение, отдающееся в моём.

Он приблизился, и в свете камина я увидела его глаза. Серо-голубые, измученные, полные голода.

— Скажи мне уйти, Розалин, — прошептал он. — Скажи мне, что я безумец, что не должен здесь находиться. Прикажи мне оставить тебя в покое.

— А если я не хочу, чтобы ты уходил?

Он застыл в нескольких шагах от меня.

— Ты не понимаешь, чем рискуешь. Чем ближе полнолуние, тем меньше у меня контроля. Я пришёл сюда ночью, когда должен спать, потому что зверь уже просыпается. Он хочет тебя. И я не уверен, что смогу его остановить, если...

— Если что?

Он сжал кулаки, мышцы рук напряглись.

— Если ты коснёшься меня снова. Если согласишься на меня так, как согласишься сейчас. Если я услышу, как учащается твоё дыхание, когда я рядом.

Я сделала шаг к нему. Осознанный. Намеренный.

— Эдмонд, я читала книги. Нашла описание ритуала, который может снять проклятие.

Его глаза вспыхнули надеждой, а затем потухли.

— Знаю, о каком ритуале ты говоришь. Я читал ту же книгу сотни раз. И каждый раз приходил к одному выводу — я не могу попросить женщину о таком. Это не снятие проклятия, Розалин. Это жертвоприношение.

— А если я готова?

— Нет, — он резко покачал головой. — Нет. Ты не представляешь, о чём говоришь. Пять женщин думали, что готовы. Все пятеро были уверены в своей смелости. И все пятеро умерли в страхе и агонии.

— Потому что они не знали тебя, — я подошла ближе, теперь нас разделяли считанные сантиметры. — Они видели принца. Проклятого. Чудовище. Но не видели человека

под всем этим. Человека, который каждый день сражается с тьмой. Который боится причинить боль сильнее, чем боится собственной смерти.

Я подняла руку и коснулась его груди, чувствуя, как бесшумно колотится сердце под ладонью.

— Я вижу тебя, Эдмонд. Настоящего. И я не боюсь.

— Розалин... — его голос сорвался. — Господи, Розалин, ты не знаешь, что делаешь со мной.

Его рука накрыла мою, прижимая к сердцу.

— Когда ты рядом, я чувствую себя человеком. Впервые за семь лет. Ты смотришь на меня не как на монстра, а как на мужчину. И это... это одновременно лучшее и худшее, что со мной случилось.

— Почему худшее?

— Потому что теперь мне есть что терять, — он притянул меня ближе, его свободная рука обвила мою талию. — Потому что мысль о том, что я могу причинить тебе боль, убивает меня. Потому что я хочу тебя так сильно, что это пугает меня больше самого проклятия.

Его лоб коснулся моего, мы стояли так близко, что дышали одним воздухом.

— Скажи мне остановиться, — прошептал он. — Сейчас. Пока я ещё могу.

Вместо ответа я потянулась к нему и поцеловала.

Он замер на мгновение, словно не веря, что это происходит. А потом ответил — страстно, отчаянно, жадно.

Его руки скользнули в мои волосы, наклоня мою голову под нужным углом, углубляя поцелуй. Его язык проник между моих губ, исследуя, пробуя, завоёвывая. Я застонала ему в рот, и этот звук, кажется, что-то в нём сломал.

Внезапно я оказалась прижата к стене, его тело было твёрдым, требовательным, прижималось ко мне всей длиной. Я чувствовала каждый его мускул, каждый изгиб. И его твёрдость, упирающуюся мне в живот.

— Розалин, — прорычал он, отрываясь от моих губ и целуя линию челюсти, спускаясь к шее. — Боже, твой вкус... Ты слаще любого вина. Опьяняешь сильнее любого зелья.

Его руки скользнули по моему телу, одна сжала бедро, приподнимая, прижимая меня к стене и к себе. Другая поднялась к корсету моего платья, пальцы нашли шнуровку.

— Скажи мне остановиться, — снова прошептал он, но пальцы его уже дёргали за шнуровку, ослабляя её. — Прошу тебя, скажи. Потому что если ты не остановишь меня сейчас, я не смогу...

Корсет ослаб. Его рука скользнула внутрь, касаясь тонкой сорочки, чувствуя жар моей кожи под тканью.

— Не останавливайся, — выдохнула я.

Он замер, подняв голову. Смотрел мне в глаза долгим, пронзительным взглядом.

— Ты уверена? — его голос был хриплым, полным едва сдерживаемого желания. — Потому что если мы продолжим... если я возьму тебя сейчас... завтра ночью будет ещё

тяжелее. Зверь во мне почувствует связь. Захочет большего. Может стать ещё опаснее.

— Или наоборот, — я провела пальцами по его губам. — Может быть, если он почувствует эту связь, поймёт, что я не угроза. Что я... твоя.

Последнее слово вырвалось само, и я увидела, как его зрачки расширились, поглощая радужку.

— Моя, — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Господи, Розалин, ты не представляешь, что эти слова делают со мной.

Он поцеловал меня снова, на этот раз медленнее, глубже, будто пытался запечатлеть каждый момент в памяти. Его руки скользнули по моим рукам, переплелись с моими пальцами, прижали их к стене над головой.

— Я буду нежен, — прошептал он между поцелуями. — Настолько, насколько смогу. Обещаю. Если будет больно, если испугаешься — скажи. Я остановлюсь.

— Я не боюсь тебя, Эдмонд.

— Должна бояться, — он отпустил мои руки и медленно стянул с моих плеч ослабленный корсет вместе с платьем. Ткань медленно скользнула вниз, обнажая белую сорочку, тонкую, почти прозрачную в свете камина. — Я монстр, помнишь? Проклятый. Опасный.

Его пальцы нашли край сорочки и потянули вверх, стаскивая её через голову. Я осталась перед ним обнажённой, только в тонких панталонах.

Эдмонд отступил на шаг, его взгляд медленно скользил по моему телу — голодный, восхищённый, полный неприкрытого желания.

— Прекрасна, — выдохнул он. — Ты так чертовски прекрасна, что на тебя больно смотреть.

Холодный воздух замка касался моей обнажённой кожи, но я не чувствовала холода. Внутри бушевало пламя, разливалось по венам, собиралось внизу живота пульсирующей жаждой.

Я потянулась к его рубашке, расстёгивая пуговицы дрожащими пальцами. Он помог мне, сбрасывая ткань на пол.

И я впервые увидела его тело полностью.

Вдох застрял в горле.

Он был создан из мрамора и теней. Широкие плечи, мускулистая грудь, рельефный живот. Но это не было совершенство греческой статуи. По его телу расползались тёмные вены — чёрные паутины, пульсирующие под бледной кожей. Они начинались на запястьях, поднимались по рукам, расходились по груди, исчезали под поясом брюк.

Проклятие. Буквально пожирающее его изнутри.

Я протянула руку и коснулась его груди, проводя пальцами по одной из тёмных вен.

Эдмонд вздрогнул, схватил моё запястье.

— Не смотри на них, — попросил он. — Они отвратительны. Напоминание о том, что я...

— Красивы, — перебила я. — Они часть тебя. Как шрамы

воина. Доказательство того, что ты сражаешься. Что ты всё ещё борешься.

Я наклонилась и поцеловала одну из вен на его груди.

Эдмонд застыл.

А потом прорычал — низко, гортанно, нечеловечески.

В следующее мгновение я оказалась на кровати, а он нависал надо мной, глаза полыхали красным.

— Ты играешь с огнём, маленькая целительница, — прошипел он, и в его голосе слышались два тембра — человеческий и что-то иное, более глубокое, первобытное. — Зверь проснулся. И ему нравится твоё прикосновение. Слишком сильно.

Его рука скользнула по моему животу, пальцы нашли край панталон и дёрнули. Ткань легко поддалась, разорванная нечеловеческой силой.

Теперь между нами не было ничего, кроме его брюк.

Эдмонд замер, тяжело дыша, глядя на моё обнажённое тело. Его руки легли на мои бёдра, поглаживая, изучая.

— Семь лет, — прошептал он хрипло. — Семь лет я не прикасался к женщине. Не позволял себе даже думать об этом. А теперь ты здесь, подо мной, и я... боюсь, что буду слишком груб. Что не смогу контролировать себя.

— Тогда не контролируй, — выдохнула я, притягивая его к себе. — Покажи мне. Всё. Человека и зверя. Я приму обоих.

Что-то сломалось в его глазах.

Он поцеловал меня с первобытной страстью, а его руки исследовали каждый изгиб моего тела. Пальцы скользили по рёбрам, сжимали грудь, спускались ниже, к самому центру моего желания.

Когда он коснулся меня там, я выгнулась, вскрикивая от остроты ощущений.

— Ты такая влажная для меня, — выдохнул он мне в шею, пальцы кружили, поглаживали, дразнили. — Такая готовая. Но я хочу быть уверен. Хочу, чтобы ты кричала моё имя, умоляла меня.

Один палец проник внутрь, и мир взорвался фейерверком ощущений.

Я вцепилась в его плечи, ногти оставляли следы на его коже. Он добавил второй палец, растягивая, готовя, его большой палец нашёл чувствительную точку и прижался.

— Эдмонд! — я не узнала собственный голос — хриплый, полный нужды.

— Вот так, — прорычал он, его пальцы двигались быстрее, глубже. — Кричи для меня. Дай мне услышать, как сильно ты меня хочешь.

Внутри нарастала волна, всё выше, горячее, невыносимее. Я была на грани, балансировала на краю пропасти.

Эдмонд наклонился, его губы нашли мою грудь, язык кружил вокруг напряжённого соска. Зубы аккуратно прикусили — не больно, но ощутимо.

И я сорвалась.

Оргазм накрыл волной, утянул в пучину ощущений. Я кричала его имя, содрогаясь, пока волны наслаждения прокатывались по телу снова и снова.

Когда я наконец пришла в себя, Эдмонд смотрел на меня сверху вниз, в его глазах плескалось торжество и голод.

— Прекрасна, — прошептал он. — Абсолютно прекрасна в своём удовольствии.

Он встал с кровати, и я проследила взглядом, как он растёгивает брюки, стягивает их вместе с бельём.

И впервые увидела его полностью обнажённым.

Боже.

Он был великолепен и ужасающ одновременно. Тёмные вены расползались и там, пульсировали вдоль его твёрдости, делая её ещё более внушительной.

Эдмонд заметил мой взгляд и усмехнулся — не весело, а горько.

— Теперь видишь проклятие полностью. Даже здесь оно оставило след. Даже в самом интимном.

— Подойди сюда, — приказала я.

Он повиновался, возвращаясь на кровать, устраиваясь между моих раздвинутых бёдер. Его твёрдость упиралась в меня, горячая, пульсирующая.

— Розалин, — его голос дрожал. — Ты уверена? Последний шанс отступить. Потому что если я войду в тебя, если соединюсь с тобой... я не смогу отпустить. Никогда. Ты будешь моей. В этой жизни и, возможно, в следующей.

Я притянула его лицо к своему, заглядывая в серо-голубые глаза, в которых плескалось красное.

— Тогда войди в меня, — прошептала я. — Сделай меня своей.

Он вошёл одним медленным толчком.

Боль вспыхнула острой вспышкой, я вскрикнула, вцепившись в его плечи.

Эдмонд застыл, всё его тело напряглось.

— Прости, — выдохнул он. — Господи, прости. Я стараюсь быть нежным, но ты такая узкая, такая...

— Не останавливайся, — выдохнула я сквозь боль. — Просто... дай мне привыкнуть.

Он замер, целовал моё лицо, шею, шептал успокаивающие слова на неизвестном мне языке. Постепенно боль начала отступать, заменяясь другим ощущением — наполненностью, близостью, чем-то глубоким и правильным.

— Двигайся, — попросила я.

Он повиновался, медленно выходя и входя снова. Каждое движение было осторожным, контролируемым, но я чувствовала, как дрожит его тело от усилия сдерживаться.

— Быстрее, — выдохнула я. — Пожалуйста, Эдмонд, мне нужно больше.

Он застонал и ускорился, толчки стали глубже, сильнее. Боль полностью исчезла, уступив место нарастающему удовольствию.

И тут произошло нечто странное.

В воздухе вспыхнули искры — буквально. Золотые и серебряные точки света, танцующие вокруг нас. Моя кожа начала светиться мягким тёплым сиянием, а от Эдмонда исходила тьма — не пугающая, а обволакивающая, бархатная.

Свет и тьма переплетались, сливались, создавали что-то новое.

— Что... — начал Эдмонд, но я притянула его в поцелуй.

Магия. Моя материнская магия целительства и его проклятая тьма соединялись, резонировали, создавали что-то невероятное.

Эдмонд застонал мне в губы, его движения стали отчаянными. Одна рука скользнула между нашими телами, пальцы нашли чувствительную точку и прижались.

— Кончай для меня, — прорычал он. — Хочу чувствовать, как ты сжимаешься вокруг меня. Хочу видеть, как ты разваливаешься на части от того, что я делаю с тобой.

Второй оргазм был мощнее первого. Он разорвал меня на части, собрал заново, швырнул в пропасть экстаза. Я кричала, сжимаясь вокруг него, ногти рвали его спину.

Эдмонд последовал за мной, вскрикнув моё имя. Его тело содрогнулось, он излился внутрь меня, и в этот момент магия вокруг нас вспыхнула ослепительно ярко.

Я увидела это сквозь прикрытые веки — взрыв света и тьмы, сливающихся воедино.

Потом всё стихло.

Эдмонд рухнул на меня, тяжело дыша, его лоб уткнулся

мне в шею. Я обняла его, поглаживая по спине, чувствуя, как бешено колотится его сердце.

— Что это было? — прошептал он наконец.

— Магия, — я провела пальцами по его волосам. — Наша магия. Она откликнулась друг на друга.

Он приподнялся на локтях, глядя на меня. Красное в его глазах исчезло, вернув им нормальный серо-голубой цвет. На лице застыло изумление.

— Ты светилась. Буквально. Как ангел.

— А ты был окружён тьмой. Красивой, как ночное небо.

Он коснулся моего лица, проводя большим пальцем по скуле с таким благоговением, словно я была чем-то священным.

— Я не чувствую его, — прошептал он с изумлением. — Зверя. Впервые за семь лет он молчит. Совсем. Словно... спит.

Надежда вспыхнула в моей груди.

— Может, это сработало? Может, проклятие...

— Нет, — он покачал головой, но в его глазах не было прежнего отчаяния. — Я всё ещё чувствую его присутствие. Но он... спокоен. Удовлетворён. Словно признал тебя. Принял.

Он осторожно вышел из меня, и я поморщилась от дискомфорта. Эдмонд сразу же нахмурился.

— Я сделал тебе больно.

— Это нормально для первого раза, — я попыталась

улыбнуться. — Отец оставил мне книги не только о травах.

Он усмехнулся, но тут же стал серьёзным. Встал с кровати и зажёл ещё несколько свечей, наполняя комнату мягким светом. Потом подошёл к кувшину с водой, намочил полотенце и вернулся.

— Позволь мне, — попросил он, присаживаясь на край кровати.

Я не могла отказать, когда он с такой нежностью раздвинул мои бёдра и осторожно начал вытирать следы нашей близости. Было интимно. Смущающе. И невероятно трогательно — видеть, как этот могущественный проклятый принц заботится обо мне с такой осторожностью.

— На полотенце кровь, — заметил он тихо, и в его голосе слышалась вина.

— Я была девственницей. Так и должно быть.

Он поднял на меня глаза.

— Почему? — спросил он. — Почему ты отдала мне то, что можно отдать только раз? Ты едва знаешь меня. Я монстр, проклятый, обречённый. Почему?

Я села, игнорируя ноющую боль между ног, и взяла его лицо в ладони.

— Потому что ты того стоишь. Потому что когда я смотрю на тебя, вижу не монстра, а человека, сражающегося за свою душу. Потому что... — я замешкалась, но решила быть честной, — потому что в тот момент, когда ты поцеловал меня в библиотеке, что-то во мне щёлкнуло на месте. Словно я всю

жизнь искала тебя, не зная этого.

Эдмонд закрыл глаза, прижимаясь лбом к моему.

— Я не заслуживаю тебя. Такой чистой, доброй, смелой. Но я слишком эгоистичен, чтобы отпустить. Даже зная, что подвергаю тебя опасности.

— Завтра полнолуние, — сказала я тихо. — И я войду в башню.

Его глаза распахнулись, в них плескался страх.

— Нет. Нет, Розалин, я запрещаю. Сегодня было... невероятно. Магия откликнулась, зверь успокоился. Но завтра ночью всё будет по-другому. Трансформация полная. Я не буду собой. И если ты войдёшь...

— Если я не войду, ты проведёшь ещё одну ночь в одиночестве, — перебила я. — Ещё одну ночь, сражаясь с монстром без надежды на спасение. Книга говорит ясно, Эдмонд. Я должна принять тебя в полнолуние. В твоей истинной форме. Это единственный способ.

— Пять женщин мертвы!

— Пять женщин не имели связи с тобой до полнолуния, — возразила я. — Не имели магического резонанса. Не были приняты зверем, как была принята я сегодня.

Он встал, начал ходить по комнате, проводя руками по волосам.

— Это безумие. Чистое безумие. Я не могу позволить тебе рисковать.

— Это не твоё решение.

Он резко обернулся.

— Ты моя, помнишь? — в его голосе прозвучала нота собственности. — Ты сама сказала. А значит, твоя безопасность — моя ответственность.

— Тогда давай посмотрим правде в глаза, — я встала с кровати, игнорируя его расширившиеся глаза при виде моего обнажённого тела. — У тебя осталось три, максимум четыре полнолуния до того, как трансформация станет постоянной. Ты хочешь потратить это время на бесполезную борьбу? Или хочешь дать нам шанс?

Он смотрел на меня долго, на его лице боролись эмоции. Наконец, плечи его поникли.

— Если что-то пойдёт не так, — сказал он хрипло, — если я увижу, что теряю контроль, что зверь собирается причинить тебе вред... Себастьян будет наблюдать снаружи. У него арбалет с серебряными болтами. Одна стрела в сердце, и всё закончится.

Холод пробежал по моей спине.

— Эдмонд...

— Обещай мне, — он подошёл, взял мои руки в свои. — Обещай, что если услышишь выстрел, то убежишь. Не будешь оглядываться. Не будешь пытаться спасти меня. Просто уйдёшь и никогда не вернёшься в этот проклятый замок.

Слёзы жгли мои глаза.

— Не проси меня об этом.

— Я прошу, — его голос сломался. — Пожалуйста, Роза-

лин. Мысль о том, что ты можешь погибнуть от моих рук, невыносима. Но мысль о том, что ты продолжишь жить, даже если меня не станет... в этом есть утешение. Обещай мне.

Я посмотрела в его глаза, увидела в них такую боль, такое отчаяние.

— Обещаю, — прошептала я, зная, что лгу.

Потому что если он умрёт, я не убегу. Останусь и умру рядом с ним. Некоторые связи слишком глубоки, чтобы их разорвала даже смерть.

Эдмонд притянул меня в объятия, крепко, отчаянно.

— Одна ночь, — прошептал он мне в волосы. — Дай мне ещё одну ночь с тобой, прежде чем всё изменится. Прежде чем я рискну потерять тебя навсегда.

Я кивнула, прижимаясь к его груди, слушая биение его сердца.

Мы вернулись в постель, и на этот раз он любил меня медленно, нежно, словно пытался запечатлеть каждое прикосновение, каждый вздох в вечности. Боль исчезла, уступив место сладкому удовольствию. Мы двигались в унисон, магия снова вспыхивала вокруг нас искрами света и тьмы.

Когда всё закончилось, мы лежали, переплетённые, его рука поглаживала мою спину, моя голова покоилась на его груди.

— Расскажи мне о своём детстве, — попросила я в тишине. — Каким ты был до проклятия?

Он помолчал, потом начал говорить. Рассказывал о мате-

ри, умершей, когда ему было пятнадцать. О строгом отце, который любил, но не умел показывать это. О Себастьяне, который был больше отцом, чем родной. О тренировках с мечом, скачках на лошадях, книгах в библиотеке.

— Я был обычным, — сказал он с лёгкой улыбкой. — Избалованным принцем, который думал, что мир принадлежит ему. Самоуверенным до наглости. Моргана преподала мне урок смирения. Жестокий, но эффективный.

— Ты не заслужил этого, — прошептала я.

— Может, и заслужил, — он вздохнул. — Я отверг её с презрением, когда был ребёнком. Назвал старой уродливой ведьмой. Дети бывают жестоки. Я был особенно жесток.

— Ты был ребёнком. Дети говорят глупости.

— Некоторые глупости стоят жизнью, — его рука сжалась на моей спине. — Пять жизней. Пять невинных женщин, которые заплатили за мою детскую глупость.

Я приподнялась, глядя ему в глаза.

— Ты не убивал их намеренно. Проклятие убило. Моргана убила их, используя твои руки. Ты жертва так же, как и они.

— Скажи это их семьям.

— Скажу, — твёрдо ответила я. — Если мы разрушим проклятие. Если выживем. Скажу каждой семье, что их дочери не умерли напрасно. Что их жертва в конце концов привела к спасению.

Что-то мелькнуло в его глазах — надежда, такая хрупкая,

что боялась дышать.

— Ты действительно веришь, что мы можем это сделать?

— Да, — я поцеловала его. — Верю. Потому что магия не врёт. То, что произошло между нами сегодня... это было реально. Сильно. Судьбоносно.

Он притянул меня ближе, зарываясь лицом в мои волосы.

— Если мы выживем, — прошептал он, — если проклятие будет разрушено... я женюсь на тебе. Официально. Перед Богом и людьми. Сделаю тебя принцессой. Дам тебе всё, что только пожелаешь.

— Мне не нужна корона, — ответила я. — Только ты. Живой. Свободный.

— Тогда это то, что я дам тебе, — он поцеловал мою макушку. — Или умру, пытаюсь.

Мы заснули в объятиях друг друга, пока ночь медленно ползла к рассвету.

За окном луна, скрытая облаками, набирала силу.

Завтра она засияет полностью.

И тогда всё решится.

Я проснулась одна.

Бледный утренний свет пробивался сквозь щели в шторах. Постель рядом со мной была пуста, но ещё хранила тепло его тела.

На подушке лежала записка, написанная размашистым почерком:

«Не смог остаться до твоего пробуждения. Слишком

сильно испытание вернуться в постель и никогда не выходить. Себастьян ждёт тебя в столовой. Поешь. Отдохни. Береги силы. Сегодня вечером... сегодня вечером мы узнаем нашу судьбу. Будь готова. И помни — что бы ни случилось, ты стала лучшим, что происходило со мной за всю мою жизнь. Даже если всё закончится сегодня, я благодарен судьбе за то, что свела нас. Э.»

Я прижала записку к груди, чувствуя, как сжимается сердце.

Нет. Это не закончится сегодня.

Я не позволю.

Я оделась, заплела волосы и спустилась вниз. Себастьян действительно ждал в столовой, на столе был накрыт скромный завтрак.

— Доброе утро, мисс Эвергрин, — поприветствовал он, изучая меня пронизательным взглядом. — Хорошо спали?

По его тону я поняла, что он знает. Конечно, знает. В замке всего три человека.

— Достаточно хорошо, — ответила я, садясь за стол.

— Принц в оружейной, — сказал Себастьян, наливая мне чай. — Тренируется. Пытается измотать себя физически, чтобы зверь был слабее сегодня вечером. Не уверен, что это поможет, но... ему нужно что-то делать. Ожидание убивает его.

— Он сказал, что вы будете наблюдать. С арбалетом.

Себастьян кивнул, его лицо было мрачным.

— Серебряные болты. Я не хочу... но если придётся выбирать между жизнью принца и вашей жизнью, мисс Эвергрин, я выстрелю без колебаний. Эдмонд никогда не простит себе, если убьёт вас. Лучше пусть он умрёт, чем живёт с этим грузом.

— Не дойдёт до этого, — сказала я с уверенностью, которой не чувствовала. — Я верю в нас.

Себастьян долго смотрел на меня, потом медленно кивнул.

— Он изменился после вашего прихода. Впервые за годы я вижу в его глазах что-то кроме отчаяния. Надежду. Пусть крошечную, но настоящую. За одно это я благодарен вам, мисс Эвергрин.

Он сделал паузу, потом добавил тише:

— Его мать, покойная принцесса Элеонора, обладала даром предвидения. Перед смертью она сказала мне, что однажды в замок придёт девушка со светом в руках. И что она либо спасёт Эдмонда, либо освободит его от мучений. Я не понимал тогда, что она имела в виду. Теперь понимаю.

Мурашки пробежали по коже.

— Свет в руках... целительская магия?

— Возможно, — Себастьян пожал плечами. — Принцесса говорила загадками. Но она никогда не ошибалась.

Я доела завтрак в задумчивости, потом поднялась.

— Где башня? — спросила я. — Покажите мне хотя бы снаружи. Я должна знать, куда идти сегодня вечером.

Себастьян колебался, но кивнул.

— Пойдёмте.

Мы прошли через лабиринт коридоров, спустились по каменной лестнице в подвалы замка. Здесь было холодно и сыро, факелы на стенах бросали танцующие тени.

В конце коридора возвышалась массивная железная дверь, покрытая странными символами.

— Руны сдерживания, — пояснил Себастьян. — Наложены давным-давно предками Эдмонда. Они не остановят трансформацию, но удержат зверя внутри, если он попытается вырваться.

— А если я войду? Руны меня пропустят?

— Если вы войдёте по собственной воле, добровольно — да. Руны действуют только на тех, кто хочет сбежать. Или на того, кто пытается выйти силой.

Я подошла ближе, протянула руку к двери. Металл был ледяным под пальцами, а руны... руны пульсировали слабым красноватым свечением.

Магия. Древняя, могущественная, опасная.

— Сегодня на закате Эдмонд спустится сюда, — продолжал Себастьян. — Себя он заковывает в серебряные цепи, прикреплённые к стене. Они ослабляют его, но не остановят полностью. Когда трансформация начнётся, он станет невероятно силён.

— Я справлюсь, — сказала я, не зная, убеждаю ли я Себастьяна или саму себя.

Мы вернулись наверх. День тянулся мучительно медленно. Я пыталась читать, но строки расплывались. Пыталась отдыхать, но сон не шёл. В конце концов я вышла в сад, бродила среди заросших дорожек, собирая травы почти автоматически.

Солнце медленно ползло по небу, приближаясь к горизонту.

А потом я увидела его.

Эдмонд стоял на балконе верхнего этажа, смотрел на закат. Даже на расстоянии я видела напряжение в каждой линии его тела.

Наши взгляды встретились.

Он не улыбнулся. Просто смотрел на меня так, словно пытался запомнить каждую черту, каждую деталь. Словно это был последний раз.

Потом развернулся и исчез внутри замка.

Началось.

Я побежала обратно, поднялась в свою комнату. Переоделась в простое белое платье — символично, подумала я с горькой усмешкой. Белое для жертвоприношения. Распустила волосы, позволяя им свободно падать на плечи.

Серебряный крестик матери я спрятала под платье, прижимая к сердцу.

За окном солнце коснулось горизонта.

Я спустилась вниз. Себастьян ждал у входа в подвалы, в руках держал тот самый арбалет. На его лице не было эмо-

ций, но глаза выдавали боль.

— Он уже внутри, — сказал управляющий. — Начал цепляться минут десять назад. Трансформация начнётся, как только луна взойдёт полностью. У вас есть ещё время передумать, мисс Эвергрин.

— Я не передумаю.

Он протянул мне небольшой флакон.

— Настойка валерианы. На случай, если... если боль станет невыносимой. Несколько капель успокоят. Больше — погрузят в сон. Весь флакон... — он не закончил, но я поняла.

Весь флакон убьёт.

Быстрая, безболезненная смерть.

Я взяла флакон, спрятала в складках платья.

— Спасибо, Себастьян. За всё, что вы сделали для него. Для нас.

— Спасите его, — голос управляющего дрогнул. — Пожалуйста. Он хороший человек. Лучший, которого я знал. Не заслуживает такой участи.

— Я сделаю всё возможное.

Я спустилась по лестнице. Железная дверь была приоткрыта — приглашение. Или ловушка.

Я толкнула её и вошла.

Башня внутри была круглой, с высоким сводчатым потолком. Единственный свет исходил от факелов на стенах и от узкого окна в самом верху, через которое пробивался лунный свет.

А в центре, прикованный к стене серебряными цепями, стоял Эдмонд.

Он был обнажён по пояс, серебро обжигало запястья и лодыжки, оставляя красные следы. Тёмные вены пульсировали под кожей ещё сильнее, расползались по телу паутиной. Дыхание было тяжёлым, рваным.

Он поднял голову при моём входе, и я увидела его глаза.

Уже не полностью человеческие. Зрачки начали вытягиваться, становясь кошачьими. В глубине плескалось красное.

— Не должна... быть здесь... — выдавил он сквозь стиснутые зубы. — Уходи... пока не поздно...

Дверь за моей спиной захлопнулась. Руны вспыхнули ярким светом, запечатывая выход.

Теперь пути назад не было.

Я подошла ближе, и он зарычал — предупреждающе, угрожающе.

— Стой!

Я остановилась в нескольких шагах, глядя, как его тело содрогается. Мышцы напряглись, вздулись под кожей. Пальцы изогнулись, ногти потемнели, стали длиннее, острее.

Началось.

— Эдмонд, — позвала я мягко. — Посмотри на меня. Это я. Розалин. Помнишь прошлую ночь? Помнишь, что было между нами?

Его голова дёрнулась в мою сторону, глаза вспыхнули.

— Розалин... — моё имя вырвалось почти рычанием. —

Беги... Господи... беги...

Луна поднялась над горизонтом, её свет хлынул через окно, залил башню серебристым сиянием.

И Эдмонд закричал.

Глава 3. ЗВЕРЬ И КРАСАВИЦА

Крик Эдмонда эхом разнёсся по каменным стенам башни, пронзил меня до костей. Это был не человеческий крик — в нём слышалась боль существа, разрывающегося между двумя сущностями.

Его тело выгнулось дугой, цепи зазвенели, натягиваясь. Серебро дымилось там, где касалось кожи, обжигало, но он, казалось, не чувствовал боли. Или она терялась на фоне агонии трансформации.

Кости хрустели, перестраиваясь. Мышцы вздувались, разрастались. Кожа на спине лопнула, и оттуда начала пробиваться тёмная шерсть.

Я смотрела, не в силах отвести взгляд, ужас и завораживающая притягательность боролись во мне.

Это было отвратительно. И прекрасно. И абсолютно противоестественно.

Лицо Эдмонда исказилось, челюсть вытянулась, стала более звериной. Клыки проросли, длинные, острые как бритвы. Уши заострились, переместились выше на черепе.

Но самыми ужасающими были глаза.

Они полыхали алым, звериным огнём, и в них не осталось ничего человеческого. Только голод. Ярость. Охотничий инстинкт.

Трансформация завершилась за считанные минуты, хотя каждая секунда казалась вечностью.

То, что стояло передо мной, больше не было человеком. И не было зверем.

Это было что-то среднее. Химера. Кошмар, воплотившийся в реальность.

Тело человека, но покрытое тёмной шерстью. Руки, заканчивающиеся когтями длиной с мой палец. Ноги, изогнутые под неправильным углом, приспособленные и для ходьбы, и для прыжка. Голова — смесь человеческих и волчьих черт, с мордой, полной клыков, и ушами, подёргивающимися при каждом звуке.

Существо дёрнуло цепями. Серебро удержало, но едва. Мышцы напряглись, и я услышала зловещий скрежет металла о камень — крепления начинали ослабевать.

Зверь поднял голову, втянул воздух, принюхиваясь. И повернулся ко мне.

Красные глаза уставились на меня с такой интенсивностью, что я почувствовала, как волосы встали дыбом на затылке. Каждый инстинкт в моём теле кричал: *беги, беги, беги!*

Но я не побежала.

Вместо этого сделала шаг вперёд.

— Эдмонд, — позвала я тихо, стараясь, чтобы голос не

дрожал. — Это я. Розалин. Ты знаешь меня. Помнишь прошлую ночь?

Зверь зарычал — низко, утробно, звук вибрировал в воздухе, заставляя дрожать камни под ногами.

Ещё шаг вперёд.

— Помнишь, как ты держал меня? Как целовал? — я коснулась своих губ. — Помнишь, как наши тела соединились? Как наша магия слилась воедино?

Существо дёрнуло головой, как будто пытаюсь стряхнуть назойливый звук. Цепи натянулись до предела.

И тут я увидела это — один из болтов, крепящих цепь к стене, медленно выползал из камня.

Серебро удерживало зверя, но не его силу.

Скоро он освободится.

Надо было действовать быстро.

Я протянула руку, позволяя своей магии проснуться. Тепло разлилось по венам, собралось в ладони. Кожа начала светиться мягким золотистым сиянием.

Зверь замер, уставившись на свет.

— Видишь? — прошептала я. — Это моя магия. Она откликнулась на тебя прошлой ночью. Потому что ты не чужой мне. Потому что ты мой.

Я сделала ещё шаг. Теперь нас разделяло меньше метра.

Существо втянуло воздух, приюхиваясь ко мне. Его ноздри раздулись, красные глаза сузились.

— Чувствуешь мой запах? — продолжала я мягко. — Ла-

ванда и травы. И что-то ещё. Что-то, что осталось от прошлой ночи. Твой запах на моей коже. Моя кровь на твоих простынях.

Зверь издал звук — не совсем рычание, не совсем стон. Что-то среднее.

И вдруг рванулся вперёд.

Цепи натянулись, удержали, но болт в стене дрогнул. Ещё одно такое движение, и он вырвется.

Я не отступила. Не вскрикнула. Просто стояла, держа ладонь перед собой, позволяя свету течь из меня ярче, сильнее.

— Я не боюсь тебя, — сказала я твёрдо. — Слышишь меня? Я. Не. Боюсь.

Зверь замер, голова склонилась набок, изучая меня. В красных глазах мелькнуло что-то — любопытство? Узнавание?

Или просто раздумье, с какой стороны меня разорвать?

— Эдмонд, — позвала я снова, вкладывая в голос всю силу, всю любовь, что чувствовала. — Я знаю, ты там, внутри. Ты не монстр. Ты человек. Мой человек. Вернись ко мне.

Существо дрожало, мышцы вздувались и расслаблялись. Когти царапали камень, оставляя глубокие борозды.

И тут произошло невероятное.

Зверь опустился на колени.

Медленно. Неохотно. Словно две силы внутри него боролись за контроль.

Его голова склонилась, красные глаза смотрели на меня

снизу вверх.

В них всё ещё пылал голод. Но уже не только охотничий. Другой. Более первобытный. Более интимный.

Я узнала этот взгляд. Видела его прошлой ночью, когда Эдмонд смотрел на моё обнажённое тело.

Желание.

Зверь желал меня. Но не как добычу.

Как самку.

Моё сердце забилося быстрее, но не от страха. От чего-то другого. Тёмного. Запретного. Возбуждающего.

Я опустила руку, свет погас. Медленно, очень медленно, подошла ближе.

Теперь я стояла так близко, что чувствовала жар, исходящий от его тела. Запах — мускус, лес, что-то дикое и опьяняющее.

— Вот так, — прошептала я. — Я здесь. Я не убегаю.

Я протянула руку и коснулась его морды.

Зверь застыл. Всё его тело напряглось, как готовая выстрелить пружина.

Секунда. Две. Вечность.

А потом он медленно, осторожно прижался к моей ладони.

Шерсть под пальцами была жёсткой, тёплой. Я чувствовала мышцы, напряжённые, дрожащие от сдерживаемой силы.

— Хороший, — прошептала я, поглаживая. — Видишь? Я не причиню тебе вреда. И ты не причинишь мне.

Зверь закрыл глаза, прижимаясь сильнее. Из его горла вырвался звук — низкий, вибрирующий. Почти... мурлыканье?

Я позволила руке скользнуть ниже, поглаживая шею, плечо. Исследуя то, чем он стал.

Под шерстью я чувствовала знакомые контуры — широкие плечи, мускулистую грудь. Тёмные вены всё ещё пульсировали, но теперь они были частью звериного тела, переплетались с шерстью странными узорами.

— Видишь? — шептала я. — Ты всё ещё ты. Человек и зверь. Две стороны одного целого.

Существо открыло глаза, посмотрело на меня. И в красных глубинах я увидела проблеск серо-голубого.

Эдмонд.

Он там. Сражается. Пытается вырваться.

— Вот так, — подбадривала я. — Борись. Возьми контроль. Покажи проклятию, кто здесь хозяин.

Зверь дрожал, голова качалась из стороны в сторону. В горле клокотало рычание — но не агрессивное. Полное боли. Усилия.

И вдруг он заговорил.

Голос был искажённым, хриплым, словно звук продирался через горло, не предназначенное для человеческой речи. Но слова были ясны.

— Ро-за... лин...

Слёзы хлынули из моих глаз.

— Да! — я обхватила его морду обеими руками. — Да,

это я! Ты помнишь! Ты здесь!

— Опас... но... — выдавил он. — Уходи... пока... могу... держать...

— Нет, — твёрдо сказала я. — Я никуда не уйду. Мы вместе, помнишь? Ты сказал, что я твоя. А ты мой.

Зверь застонал, и звук был полон такой тоски, такого отчаяния.

— Хочу... тебя... — прорычал он. — Зверь... хочет... Не могу... остановить...

— Тогда не останавливай, — я посмотрела ему прямо в глаза. — Возьми меня. Здесь. Сейчас. Покажи зверю, что я не добыча. Что я партнёр. Что я твоя.

Его глаза расширились.

— Нет... убью...

— Не убьёшь, — я провела рукой по его груди, чувствуя, как бешено колотится сердце. — Ты не убил меня прошлой ночью, когда клыки вышли. Не убьёшь и сейчас. Потому что ты сильнее проклятия. Потому что любовь сильнее голода.

Я отступила на шаг и начала расстёгивать своё платье.

— Розалин... что...

— Книга говорила ясно, — сказала я, стягивая платье с плеч. Ткань упала на пол, оставив меня в тонкой сорочке. — Я должна отдаться тебе полностью. В твоей истинной форме. Без страха. Без сомнений.

Я стянула сорочку через голову.

Стояла перед зверем обнажённая, уязвимая, но не испу-

ганная.

Лунный свет, льющийся через окно, касался моей кожи, заставляя её светиться. Моя магия пульсировала в воздухе, золотистые искры танцевали вокруг.

Зверь смотрел на меня, не шевелясь. Дыхание участилось, ноздри раздувались.

— Прекрас... на... — прорычал он.

И цепи лопнули.

Серебряные звенья разлетелись в стороны, звеня об пол. Зверь был свободен.

Я не побежала. Стояла неподвижно, пока он медленно поднимался на ноги. В полный рост он был огромен — на голову выше меня, широкий, мускулистый, пугающий.

И прекрасный в своей дикости.

Он подошёл ближе, нависая надо мной. Я видела каждый клык в его раскрытой пасти. Чувствовала его горячее дыхание на своей коже.

Когтистая рука медленно поднялась, осторожно, словно боясь сломать меня, коснулась моего лица.

Когти царапнули кожу — не больно, только предупреждение о том, насколько он опасен.

— Последний... шанс... — прорычал он. — Беги...

Вместо ответа я поднялась на цыпочки и поцеловала его.

Клыки царапнули мои губы, я почувствовала вкус крови — своей и его. Но не остановилась. вливая в поцелуй всю свою любовь, всю свою веру в него.

Зверь застыл на мгновение, ошеломлённый.

А потом ответил.

Его руки — огромные, когтистые, способные разорвать меня пополам — обхватили мою талию с невероятной нежностью. Притянули к себе, прижав моё обнажённое тело к его покрытой шерстью груди.

Поцелуй углубился, его язык — длинный, шершавый — проник между моих губ. Вкус был другим, диким, звериным, но под ним я чувствовала Эдмонда.

Моего Эдмонда.

Он оторвался от моих губ, его дыхание было рваным, хриплым.

— Моя, — прорычал он, и в голосе слились два тембра — человеческий и звериный. — Моя... самка... моя... Розалин...

— Твоя, — выдохнула я. — Полностью твоя.

Он поднял меня, словно я ничего не весила, и понёс к стене. Прижал к холодному камню, его тело было раскалённым контрастом.

Я обвила ногами его талию, чувствуя жёсткую шерсть на внутренней стороне бёдер. И его твёрдость — огромную, пульсирующую, упирающуюся мне в живот.

Господи. Он был ещё больше, чем прошлой ночью.

— Больно... будет... — прорычал он, и в голосе слышалась борьба. — Не хочу... ранить...

— Я выдержу, — я притянула его голову к своей, глядя прямо в красные глаза. — Для тебя я выдержу что угодно.

Его когти скользнули по моим бёдрам, оставляя тонкие красные линии — не глубокие, но ощутимые. Маркировка. Заявление прав.

Я принадлежу ему.

Он поднял меня выше, устраивая в нужной позиции. Я почувствовала, как его твёрдость коснулась моего входа, горячая, огромная, требовательная.

— Смотри... на меня... — прорычал он. — Хочу... видеть... твои глаза...

Я не отводила взгляда, когда он начал входить.

Боже.

Это было ничто по сравнению с прошлой ночью. Он растягивал меня до предела, каждый сантиметр был смесью боли и тёмного, запретного удовольствия.

Я вскрикнула, ногти впились в его плечи, оставляя следы на шерсти.

Зверь застыл, дрожа от усилия сдерживаться.

— Больно... прости... прости...

— Не останавливайся, — выдавила я сквозь стиснутые зубы. — Не смей останавливаться.

Он вошёл глубже, ещё глубже, пока не заполнил меня полностью. Я была растянута до невозможности, насажена на него, прижатая к стене, полностью в его власти.

Слёзы текли по моим щекам — от боли, от переполняющих эмоций, от осознания того, что я делаю.

Отдаюсь монстру.

Отдаюсь зверю.

Отдаюсь своей любви.

— Моя, — прорычал он, начиная двигаться. — Моя...

моя... моя...

Каждый толчок был мощным, глубоким, первобытным. Он брал меня не как мужчина берёт женщину — он брал меня как зверь берёт самку. Грубо. Яростно. Собственнически.

И я принимала каждый толчок, каждое рычание, каждую царапину его когтей на моей коже.

Потому что под всей этой дикостью я чувствовала его. Эдмонда. Сражающегося за контроль. Пытающегося быть нежным, даже когда зверь требовал грубости.

Магия взорвалась вокруг нас.

Золотистый свет моей целительской силы и тёмная, пульсирующая энергия его проклятия столкнулись, слились, создали что-то совершенно новое.

Искры заплясали в воздухе — золотые, серебряные, красные, чёрные. Они кружили вокруг нас, проникали под кожу, соединяли нас на уровне, более глубоком, чем физическое.

Душа к душе.

Свет ко тьме.

Целительница к зверю.

— Эдмонд! — кричала я, чувствуя, как внутри нарастает невыносимое давление. — Я чувствую тебя! Полностью!

— И я... тебя... — его голос становился более человеческим с каждым словом. — Розалин... моя Розалин... люблю... люб-

лю тебя...

Слова разбили последнюю стену.

Оргазм накрыл меня волной, такой мощной, что мир исчез. Я кричала его имя, содрогаясь, сжимаясь вокруг него.

Зверь взревел — триумфально, победоносно — Я чувствовала пульсацию, жар, заполняющий меня.

И магия взорвалась.

Ослепительная вспышка света затопила башню. Я слышала звон — как будто разбилось тысяча зеркал. Проклятие. Оно трещало по швам.

Тело зверя в моих объятиях начало меняться.

Шерсть исчезала, кожа светлела, кости перестраивались обратно. Морда укорачивалась, становилась человеческим лицом. Когти превращались в пальцы.

Когда свет рассеялся, я держала в объятиях не зверя.

Эдмонда.

Моего Эдмонда. Человека.

Он смотрел на меня расширенными глазами — серо-голубыми, полностью человеческими.

— Ты... — его голос дрожал. — Ты сделала это. Ты разрушила проклятие.

Я коснулась его лица, проверяя. Гладкая кожа, без шерсти. Обычные зубы, без клыков. Человеческие руки, без когтей.

— Не я, — прошептала я. — Мы. Вместе.

Он всё ещё был внутри меня, всё ещё держал меня при-

жато́й к стене. Медленно, осторожно он вышел, опустил меня на ноги.

Мои ноги подкосились, но он поймал меня, прижал к груди.

— Прости, — шептал он, целуя мою макушку, лоб, щёки.
— Прости, что был так груб. Я пытался контролировать, но зверь...

— Не извиняйся, — я обняла его за шею. — Это было... невероятно. Страшно и прекрасно одновременно.

Он отстранился, осматривая меня. Его лицо исказилось, когда он увидел царапины на моих бёдрах, на талии, на плечах. Тонкие красные линии, где его когти касались слишком сильно.

— Я ранил тебя.

— Царапины, — я пожалала плечами. — Заживут. А вот это... — я коснулась его груди, где тёмные вены пульсировали всего час назад.

Они исчезли.

Полностью.

Его кожа была чистой, бледной, без единого следа проклятия.

Эдмонд посмотрел вниз, его дыхание перехватило.

— Оно... ушло?

— Посмотри, — я повернула его к стене, где висело потускневшее зеркало.

Он смотрел на своё отражение долго, молча. Проводил ру-

ками по груди, по рукам, проверяя. Поворачивался, изучая спину. Открывал рот, проверяя зубы.

Всё было человеческим.

Нормальным.

Свободным.

— Семь лет, — прошептал он, и его голос сломался. — Семь лет я был монстром. И ты... за одну ночь... одним актом любви...

Он обернулся, и я увидела слёзы на его лице.

— Ты спасла меня, — он упал на колени передо мной, обхватил мою талию, прижался лицом к моему животу. — Господи, Розалин, ты спасла меня.

Я гладила его волосы, чувствуя, как собственные слёзы текут по щекам.

— Мы спасли друг друга, — прошептала я. — Ты дал мне цель. Я дала тебе надежду. Вместе мы сильнее тьмы.

Он поднялся, взял моё лицо в ладони и поцеловал меня. Нежно. Благоговейно. Полно невысказанных обещаний.

Когда мы наконец разорвали поцелуй, он прижал меня к себе, и мы стояли так, обнажённые, израненные, но целые.

— Женись на мне, — прошептал он мне в волосы. — Прямо сейчас. Сегодня. Не хочу ждать ни дня. Хочу, чтобы весь мир знал — ты моя. Моя жена. Моя принцесса. Моя спасительница.

Я засмеялась сквозь слёзы.

— Думаю, нам понадобится хотя бы одеться сначала.

Он усмехнулся — первая настоящая, свободная улыбка, которую я видела на его лице.

— Детали, — он наклонился, поднял меня на руки. — Сначала я отнесу тебя в мои покои. Обработаю твои раны. Искупаю тебя. Накормлю. А потом... — его глаза потемнели, — потом я займусь любовью с моей невестой. Правильно. По-человечески. Нежно и медленно, как ты заслуживаешь.

— Мне понравилось не по-человечески, — призналась я, чувствуя, как краснею.

Его глаза вспыхнули.

— О, моя смелая маленькая целительница, — прорычал он. — Будь осторожна с такими словами. Или я возьму тебя прямо здесь, на этом холодном полу, и мы не выберемся из башни до утра.

— Обещание? — подразнила я.

Он застонал.

— Ты будешь моей смертью. Сладкой, восхитительной смертью.

Он понёс меня к двери. Она открылась сама, руны на ней потускнели и погасли.

Проклятие было разрушено. Магия, удерживавшая зверя, больше не нужна.

За дверью стоял Себастьян, арбалет всё ещё в руках, лицо застыло в тревожном ожидании.

Когда он увидел нас — Эдмонда в человеческой форме, меня на его руках — арбалет выпал из его рук с грохотом.

— Принц... — голос управляющего дрожал. — Вы... вы человек. Полностью человек.

— Благодаря ей, — Эдмонд прижал меня крепче. — Она разрушила проклятие, Себастьян. Я свободен.

Себастьян посмотрел на меня, и в его глазах стояли слёзы.

— Благословит вас Господь, мисс Эвергрин, — прошептал он. — Принцесса Элеонора была права. Девушка со светом в руках пришла. И она спасла его.

Он опустился на одно колено, склонив голову.

— Я ваш слуга. Навсегда. До самой смерти.

— Встаньте, Себастьян, — сказала я мягко. — Вы не слуга. Вы семья.

Старый управляющий поднялся, утирая слёзы, и впервые за все годы, что я его знала (пусть и всего два дня), улыбнулся.

— Пойдёмте, — сказал он. — Я прикажу приготовить ванну. И ужин. И пошлю гонца в деревню с вестью. Замок Аркаин снова свободен. Принц Эдмонд вернулся к людям.

Эдмонд нёс меня по коридорам замка, и я заметила, как меняется атмосфера. Тени отступали. Холод рассеивался. Даже камни, казалось, вздыхали с облегчением.

Проклятие отравляло не только Эдмонда. Оно отравляло весь замок. Весь род.

Теперь всё было кончено.

Эдмонд нёс меня по коридорам замка, и я заметила, как меняется атмосфера. Тени отступали. Холод рассеивался.

Даже камни, казалось, вздыхали с облегчением.

Проклятие отравляло не только Эдмонда. Оно отравляло весь замок. Весь род.

Теперь всё было кончено.

В его покоях горел камин, бросая тёплые тени на стены. Себастьян уже распорядился — огромная медная ванна стояла посреди комнаты, наполняясь горячей водой. Пар поднимался, наполняя воздух ароматом лаванды и розмарина.

Эдмонд осторожно опустил меня на ноги у ванны, придерживая, пока я не обрела равновесие. Тело болело — приятной, глубокой болью, напоминающей о том, что произошло.

Он помог мне войти в воду, и я застонала от удовольствия, когда горячая вода обняла израненное тело.

— Позволь мне, — прошептал Эдмонд, опускаясь на колени рядом с ванной.

Он взял мягкую губку, намылил её, и начал осторожно омывать мою кожу. Смывал кровь — мою и его. Пот. Следы нашей дикой близости.

Его прикосновения были нежными, почти благоговейными. Когда губка касалась царапин, он целовал каждую, шептал извинения.

— Перестань, — сказала я мягко, останавливая его руку. — Не жалею о том, что произошло. Я не жалею.

Он поднял на меня глаза.

— Ты могла умереть. Если бы я не смог удержать контроль...

— Но ты смог, — я взяла его лицо в ладони. — Потому что ты сильнее, чем думал. Потому что любовь оказалась сильнее голода.

Он закрыл глаза, прижался к моей ладони.

— Я никогда не забуду, как ты стояла передо мной. Обнажённая. Бесстрашная. Самая смелая женщина, которую я знал.

— Или самая глупая, — усмехнулась я.

— Или самая глупая, — согласился он с улыбкой. — Но моя. Навсегда моя.

Он закончил омыwać меня, помог выйти из ванны, завернул в огромное мягкое полотенце. Отнёс к кровати и уложил, словно драгоценность.

— Отдыхай, — сказал он, накрывая меня одеялом. — Тебе нужен сон.

— А ты? — я поймала его руку.

— Я должен поговорить с Себастьяном. Отправить гонцов. Мир должен узнать, что проклятие снято. — Он помолчал. — И я хочу сжечь эту проклятую башню. До основания. Чтобы не осталось и камня на камне.

Я понимала это желание. Башня была тюрьмой. Камерой пыток. Местом, где он страдал семь лет.

— Тогда иди, — я сжала его пальцы. — Но вернись скоро.

Он наклонился, поцеловал меня в лоб.

— Ничто не удержит меня от тебя. Никогда больше.

Я провалилась в сон под звук его удаляющихся шагов,

чувствуя себя в безопасности впервые за много дней.

Проклятие было разрушено.

Эдмонд был свободен.

Мы победили.

Или так я думала.

Потому что в тёмных углах замка, в тених, что не отступили полностью, что-то шевельнулось.

Что-то древнее.

Голодное.

И очень, очень злое.

Проклятие не исчезло.

Оно только трансформировалось.

И настоящая битва только начиналась.

Глава 4. ЦЕНА СВОБОДЫ

Я проснулась от криков.

Не человеческих. Нет.

Это были крики камня. Замок стонал, его древние стены содрогались, словно живое существо в агонии.

Я рывком села в кровати, сердце бешено колотилось.

Комната была погружена во тьму. Огонь в камине погас, хотя ещё час назад весело потрескивал. Воздух был леденящим — не просто холодным, а мертво-ледяным, таким, что каждый вдох причинял боль.

И пахло.

Гнилью. Смертью. Чем-то древним и злым, что не должно было существовать в мире живых.

— Эдмонд? — позвала я, голос дрожал.

Тишина.

Я сбросила одеяло, босыми ногами коснулась каменного пола — и отпрыгнула с вскриком.

Пол был покрыт льдом. Не инеем. Настоящим льдом, толщиной в палец.

Что происходит?

Я схватила халат, накинула на себя, босиком выбежала в коридор.

И застыла.

Коридоры замка Аркаин превратились в ледяной склеп.

Стены покрыты инеем, сосульки свисали с потолка. Но хуже всего было то, что я увидела на камнях.

Руны.

Сотни, тысячи рун, светящихся тускло-красным светом, расползались по стенам, как паутина. Они пульсировали в такт чему-то — сердцебиению? Злой воле?

Я знала эти руны. Видела их в книге.

Проклятие Морганы.

Но как? Эдмонд был свободен! Я видела, как тёмные вены исчезли с его кожи!

— Мисс Эвергрин!

Я резко обернулась. Себастьян бежал по коридору, его обычно безупречный костюм был растрёпан, лицо побелело

от страха.

— Что происходит? — крикнула я.

— Это проклятие, — выдохнул он, остановившись рядом.

— Оно не исчезло. Оно переместилось.

Холод пробежал по моему позвоночнику, и это был не холод замка.

— Что ты имеешь в виду — переместилось?

Себастьян посмотрел на меня, и в его глазах я увидела ужас.

— На вас, мисс Эвергрин. Проклятие переместилось на вас.

Нет.

Нет, это невозможно.

— Я не чувствую...

— Посмотрите на свои руки.

Я медленно подняла ладони, и мир закачался.

Под моей кожей, едва заметные в тусклом свете, пульсировали тёмные вены.

Точно такие же, какие были у Эдмонда.

— Нет, — прошептала я. — Нет, нет, нет...

— Когда вы разрушили связь между принцем и проклятием, — объяснял Себастьян быстро, — магия должна была найти нового носителя. Вы были ближайшей к нему в момент разрыва. Ваша кровь смешалась с его. Ваша магия переплелась с его сущностью. Проклятие выбрало вас.

Я покачнулась, и он подхватил меня под локоть.

— Где Эдмонд? — выдавила я.

— В библиотеке. Ищет способ остановить это. Он... — Себастьян замялся. — Он в ярости. Винит себя. Разнёс половину комнаты.

Конечно, винит.

Я освободилась от его поддержки и побежала к библиотеке, игнорируя ледяной пол, режущий ступни. Игнорируя то, как руны на стенах становились ярче, когда я пробегала мимо.

Словно они чувствовали меня.

Приветствовали.

Признавали своей новой хозяйкой.

Дверь библиотеки была распахнута настежь. Внутри царил хаос.

Стол перевёрнуты, книги разбросаны по полу, кресло разбито об стену. А в центре этого разрушения стоял Эдмонд.

Он был обнажён по пояс, волосы растрёпаны, на лице — выражение дикого отчаяния. В руках он держал древний том, читал лихорадочно, переворачивал страницы так быстро, что они рвались.

— Должно быть что-то, — бормотал он. — Что-то, что я упустил. Способ вернуть его мне. Способ...

— Эдмонд.

Он замер, медленно поднял голову.

Когда наши взгляды встретились, я увидела, как что-то в

нём ломается.

— Нет, — прошептал он, книга выпала из его рук. — Пожалуйста, нет. Только не это.

Я подняла руки, показывая тёмные вены.

— Боюсь, что да.

Он пересёк расстояние между нами в три шага, схватил мои руки, всматриваясь в них с выражением абсолютного ужаса.

— Нет, — выдохнул он, проводя пальцами по тёмным венам под моей кожей. — Нет, нет, нет. Это не должно было... Я не знал... Господи, Розалин, что я натворил?

— Ты ничего не натворил, — я попыталась высвободить руки, но он держал крепко, словно боялся, что я исчезну. — Мы оба не знали.

— Я должен был знать! — его голос сорвался на крик. — Должен был прочесть больше, изучить глубже! Проклятия крови не исчезают просто так. Они перемещаются, трансформируются, находят нового носителя!

Он резко отпустил меня, отшатнулся, провёл руками по лицу.

— Семь лет. Семь лет я изучал эту проклятую магию. И всё равно не смог предвидеть...

— Эдмонд...

— Ты пожертвовала всем ради меня, — он смотрел на меня так, словно видел впервые. — Своей свободой. Своей жизнью. А я даже не предупредил тебя, что это возможно.

Я подошла к нему, взяла его лицо в ладони, заставляя смотреть на меня.

— Послушай меня внимательно, — сказала я твёрдо. — Я сделала свой выбор. Осознанно. И если бы знала, что проклятие перейдёт на меня, всё равно сделала бы то же самое.

— Как ты можешь говорить такое? — прошептал он.

— Потому что я люблю тебя, идиот, — я притянула его голову к своей, прижалась лбом к его лбу. — И лучше я буду проклята, чем буду жить в мире, где ты страдаешь.

Он издал звук — нечто среднее между смехом и рыданием.

— Ты самая безрассудная, самая невозможная женщина...

— Твоя женщина, — поправила я.

— Моя, — согласился он хрипло. — И именно поэтому я верну проклятие себе. Найду способ. Любой способ.

Раздался громкий треск.

Мы обернулись к окну — и увидели, как стекло покрылось паутиной трещин. Не от удара. Просто лопнуло от холода.

Температура в библиотеке падала с каждой секундой.

— Проклятие усиливается, — сказал Себастьян из дверного проёма. — Замок умирает. Если не остановить это скоро, он рухнет. И всех нас похоронит под обломками.

— Сколько у нас времени? — спросил Эдмонд.

— До следующего полнолуния. Три недели. — Себастьян помолчал. — Когда мисс Эвергрин трансформируется в пер-

вый раз... процесс либо стабилизируется, либо...

— Либо что? — я уже знала ответ, но должна была услышать.

— Либо она умрёт, — закончил управляющий тихо. — Ваше тело не создано для такой трансформации. Оно человеческое, без капли звериной крови. Изменение разорвёт вас изнутри.

Тишина повисла тяжёлым саваном.

— Тогда у нас есть три недели, чтобы найти Моргану и заставить её снять проклятие, — сказал Эдмонд, и в его голосе зазвучала сталь. — Себастьян, готовь лошадей. Мы выезжаем на рассвете.

— Принц...

— Это не обсуждается. — Эдмонд повернулся к старому управляющему, и тот отступил на шаг от выражения его лица. — Я потерял семь лет своей жизни из-за этой ведьмы. Позволил ей убить пятерых невинных. Но Розалин я не отдам. Даже если придётся спуститься в сам ад и вытащить Моргану оттуда за волосы.

Себастьян медленно кивнул и вышел.

Мы остались одни в ледяной библиотеке среди разбросанных книг и разрушенной мебели.

— Эдмонд, — начала я, — а что, если её нельзя заставить? Что, если единственный способ...

— Не смей, — он подошёл, схватил меня за плечи. — Не смей даже думать о жертве. Не позволю тебе умереть за ме-

ня.

— Но если это единственный...

— Нет! — его крик эхом разнёсся по стенам. — Ты слышишь меня? Я скорее верну проклятие себе, скорее проведу остаток жизни зверем, чем потеряю тебя!

Его пальцы впились в мои плечи болезненно сильно, глаза горели лихорадочным блеском.

— Я только что обрёл свободу. Только что почувствовал, что значит быть человеком снова. Но всё это ничего не значит без тебя. Ничего!

Я видела его боль. Его отчаяние. И за всем этим — ужас при мысли потерять меня.

Точно такой же ужас, который я чувствовала при мысли о его страданиях.

— Тогда мы найдём другой путь, — сказала я мягко. — Вместе. Как и всё остальное.

Он притянул меня к себе, обнял так крепко, что стало трудно дышать. Лицо уткнулось мне в волосы, и я чувствовала, как он дрожит.

— Прости меня, — шептал он. — За всё. За то, что втянул тебя в это. За то, что не смог защитить. За то, что моё прошлое разрушает твоё будущее.

— Перестань, — я обняла его за талию, прижалась к его обнажённой груди. — Мы разберёмся. У нас есть три недели.

— Три недели, — повторил он горько. — Моргане понадобилось триста лет, чтобы создать это проклятие. А у нас

три недели, чтобы его разрушить.

Я почувствовала что-то странное. Покалывание в пальцах. Тепло, разливающееся по венам.

Нет. Не тепло.

Жар.

Я отстранилась от Эдмонда, посмотрела на свои руки.

Тёмные вены пульсировали быстрее, ярче. И моя кожа начала светиться — но не золотистым светом моей целительской магии.

Красным.

Цвета крови. Цвета ярости. Цвета проклятия.

— Розалин? — голос Эдмонда был полон тревоги.

— Что-то происходит, — выдавила я сквозь стиснутые зубы.

Жар усилился, стал обжигающим. Словно моя кровь закипала в венах.

Я упала на колени, задыхаясь.

— Розалин! — Эдмонд опустился рядом, обхватил меня.
— Что с тобой? Скажи мне!

— Проклятие, — я смотрела, как красное свечение становится всё ярче, расползается по рукам, по шее. — Оно... активизируется...

И вдруг в моей голове раздался голос.

Не мой. Чужой. Женский. Холодный как могильный камень и сладкий как яд.

Ну, здравствуй, дитя. Наконец-то мы встретились.

Моргана.

Думала, ты сможешь обмануть меня? Разрушить мою работу трёхсот лет одним жалким актом любви?

Смех, полный презрения, зазвучал в моей голове.

О, милая девочка. Ты не разрушила проклятие. Ты только переместила его. И знаешь что? В тебе оно станет намного сильнее.

— Убирайся из моей головы! — закричала я вслух.

Эдмонд схватил моё лицо, заставил смотреть на себя.

— Она с тобой? Моргана говорит с тобой?

Я кивнула, не в силах произнести слова.

Эдмонд был всего лишь сосудом, — продолжала ведьма. — Мужчина, отвергнувший меня. Наказание должно было быть вечным. Но ты, дитя... ты белая ведьма. Твоя магия, смешанная с моим проклятием, создаст нечто новое. Нечто прекрасное.

— Что ты хочешь? — прорычала я.

Хочу? О, я уже получила то, что хотела. Эдмонд свободен, да. Но теперь он будет наблюдать, как ты медленно превращаешься в монстра. Будет смотреть, как твоя светлая магия темнеет. Как твоя душа гниёт изнутри.

Смех стал громче, болезненнее.

И когда придёт полнолуние, когда ты трансформируешься в первый раз... знаешь, что произойдёт? Зверь внутри тебя будет жаждать крови. И первым, кого ты убьёшь, будет он. Твой возлюбленный. Твой спаситель.

— Нет!

О да, дитя. Ирония в том, что ты спасла его от проклятия, только чтобы убить собственными руками. Разве это не поэтично?

Красное свечение вспыхнуло ослепительно ярко.

И голос исчез.

Я рухнула в объятия Эдмонда, задыхаясь, покрытая холодным потом.

— Что она сказала? — требовал он. — Розалин, говори со мной!

Я посмотрела на него. На его красивое лицо, искажённое страхом за меня. На глаза, в которых читалась любовь и отчаяние.

И не смогла произнести правду.

Не смогла сказать ему, что Моргана превратила меня в его убийцу.

— Она... она просто хотела запугать, — солгала я. — Сказала, что проклятие сильнее в моём теле. Что мне будет больнее.

Технически это не была ложь. Просто не вся правда.

Эдмонд посмотрел на меня долгим изучающим взглядом, и я увидела, что он не до конца мне верит.

Но не стал настаивать.

— Тогда у нас ещё меньше времени, чем я думал, — сказал он, поднимаясь и подавая мне руку. — Себастьян прав. Мы должны найти Моргану до полнолуния. Заставить её

снять проклятие.

— А если она откажется?

Что-то тёмное мелькнуло в его глазах.

— Тогда я сделаю то, что должен был сделать семь лет назад, — сказал он тихо. — Убью её.

— Но она бессмертна...

— Для бессмертия всегда есть цена. Всегда есть источник силы. — Он провёл рукой по разбросанным книгам. — И где-то здесь, в этих проклятых фолиантах, есть ответ, как лишить её этой силы.

Он снова начал собирать книги, лихорадочно листая страницы.

Я смотрела на него, чувствуя, как сердце разрывается.

Он искал способ спасти меня.

Не зная, что я уже приговорена.

Что через три недели, когда придёт полнолуние, когда моя трансформация начнётся... я стану его убийцей.

И единственный способ спасти его — это умереть до того, как это произойдёт.

Следующие дни слились в безумный водоворот.

Эдмонд практически не спал, проводя ночи в библиотеке, изучая каждый манускрипт, каждый свиток о тёмной магии, проклятиях и бессмертии.

Себастьян отправлял гонцов в соседние королевства, к магам, целителям, любому, кто мог знать что-то о Моргане Ле Фей.

А я... я чувствовала, как проклятие растёт внутри меня.

Тёмные вены расползались дальше каждый день. Уже покрывали руки до локтей, начинали подниматься по шее.

Моя магия менялась. Когда я пыталась лечить — а я пыталась, пытаюсь спасти увядающие цветы в оранжерее, — свет, исходящий из моих ладоней, был уже не чисто золотым.

Он переливался. Золото смешивалось с алым. Тепло с холодом. Жизнь со смертью.

И растения реагировали странно.

Они не просто оживали. Они мутировали.

Розы становились чёрными как ночь, но пахли слаще, чем когда-либо. Лилии светились в темноте призрачным светом. Плющ рос с невероятной скоростью, оплетая стены за считанные минуты.

Я создавала не исцеление. Я создавала что-то новое. Что-то невозможное.

— Розалин, посмотри на это!

Я обернулась. Эдмонд стоял в дверях оранжереи, держа в руках древний фолиант. Лицо его было бледным, но глаза горели.

— Я нашёл кое-что. О слиянии магий.

Он подошёл, раскрыл книгу на отмеченной странице. Текст был на древнем языке, но рисунки были понятны.

Две фигуры. Одна светлая, одна тёмная. Между ними — вихрь энергии, сливающий их в одно целое.

— Это называется Конвергенция, — объяснял Эдмонд,

водя пальцем по строчкам. — Когда противоположные силы сталкиваются в одном сосуде, они либо уничтожают носителя... либо сливаются, создавая нечто совершенно новое.

— И что это значит для меня?

— Это значит, что есть шанс, — он посмотрел на меня с надеждой. — Твоя белая магия не борется с проклятием. Она поглощает его. Трансформирует. Если процесс завершится правильно, ты не станешь зверем. Ты станешь... чем-то другим.

— Чем?

— Не знаю, — признался он. — Таких случаев в истории единицы. Но все, кто прошёл через Конвергенцию и выжил, обрели невероятную силу. Власть над жизнью и смертью. Способность исцелять и убивать одним прикосновением.

Я посмотрела на свои руки, где золото и алое сплетались в причудливый узор.

— Значит, я не умру?

— Если Конвергенция завершится, — сказал он осторожно. — Процесс болезненный. Опасный. Но у тебя есть шанс. Надежда вспыхнула в моей груди.

Может быть...

Внезапно замок содрогнулся.

Это была не просто дрожь. Весь фундамент заходил ходунгом, камни в стенах затрещали.

— Что происходит? — крикнула я, хватаясь за Эдмонда.

Он притянул меня к себе, защищая своим телом от падающей штукатурки.

— Не знаю, но...

Окна оранжереи взорвались. Тысячи осколков разлетелись во все стороны, но странное дело — они застыли в воздухе в сантиметре от нас.

Красно-золотое свечение исходило от моего тела, создавая защитный купол.

Моя магия. Она защищала нас.

Инстинктивно. Автоматически.

Сквозь разбитые окна в оранжерею влетело... что-то.

Сначала я подумала — птица. Огромная чёрная птица.

Но когда оно развернулось, я увидела лицо.

Женское. Нечеловечески прекрасное. С фиолетовыми глазами и иссиня-чёрными волосами.

Моргана.

Она медленно опустилась на пол, и я поняла — у неё не было крыльев. Она просто парила, окружённая аурой тёмной силы.

— Здравствуй, Эдмонд, — её голос был сладок как мёд и ядовит как змеиный укус. — Прошло семь лет. Ты не изменился. — Взгляд переместился на меня. — А вот это... это новенькое.

Она подошла ближе, изучая меня с любопытством хищника, разглядывающего необычную добычу.

— Интересно, — пробормотала ведьма. — Очень инте-

ресно. Белая магия и моё проклятие не отторгаются. Они сливаются. Ты знаешь, сколько столетий я искала подходящий сосуд для такого эксперимента?

— Убирайся из моего замка, — прорычал Эдмонд, выставляя меня за спину.

Моргана рассмеялась.

— Твоего замка? О, милый мальчик. Этот замок принадлежал моему роду задолго до того, как появились Аркаины. Вы просто временные жильцы.

Она щёлкнула пальцами.

И Эдмонда отбросило к стене невидимой силой. Он ударился о камень с глухим стуком, упал на пол.

— Эдмонд! — я бросилась к нему, но путь мне преградила стена пламени.

Чёрного пламени. Холодного как лёд.

— Не торопись, дитя, — Моргана обошла меня кругом, словно оценивая. — Он не умер. Просто... временно выведен из игры. Нам нужно поговорить. Наедине.

— Мне не о чем с тобой разговаривать, ведьма.

— О, полагаю, есть, — она остановилась передо мной. — Я пришла с предложением.

— Не интересно.

— Даже если оно спасёт и тебя, и его?

Я замерла.

Моргана улыбнулась, видя, что привлекла моё внимание.

— Конвергенция, которая происходит в тебе, действи-

тельно редкое явление, — сказала она, медленно обходя меня. — Но знаешь, чего не написано в той древней книжке, которую нашёл твой возлюбленный?

Я молчала, сжав кулаки.

— Конвергенция требует жертвы, — Моргана остановилась, заглянула мне в глаза. — Энергия для слияния должна откуда-то взяться. И если её не предоставить добровольно... она возьмёт сама. Высосет жизнь из ближайшего источника.

Холод пополз по позвоночнику.

— Что ты хотела сказать?

— Когда твоя Конвергенция завершится в полнолуние, — Моргана усмехнулась, — она возьмёт жизненную силу у того, кто ближе всего к тебе. Физически и эмоционально. Угадай, кто это?

Эдмонд.

— Нет...

— О да, — ведьма кивнула. — Ты выживешь. Обретёшь невероятную силу. Станешь чем-то уникальным. Но Эдмонд... — она цокнула языком. — Он просто иссохнет. Превратится в высохшую оболочку. Красивый труп.

Я не могла дышать. Не могла думать.

— Ты лжёшь.

— Проверь сама, — Моргана взмахнула рукой.

Передо мной возникло видение.

Я видела себя, окружённую вихрем золотого и алого света. Видела, как моё тело трансформируется, поднимается над

землѣй, сияя как звезда.

И видела Эдмонда, стоящего рядом.

Видела, как свет тянется к нему. Как его кожа бледнеет, становится серой. Как глаза тускнеют. Как он падает на колени, высыхая на глазах.

Как умирает.

Чтобы я могла жить.

Видение исчезло.

Я стояла, дрожа, слёзы текли по щекам.

— Нет, — прошептала я. — Не позволю этому случиться.

— Вот поэтому я здесь, — Моргана сложила руки. — С предложением. Я могу изменить процесс. Перенаправить энергию. Взять жертву не от него... а от себя.

Я резко подняла голову.

— Почему ты это делаешь?

— Потому что мне любопытно, — ведьма пожала плечами. — Триста лет я создавала проклятия. Разрушала жизни. Мстила обидчикам. Это стало... скучно. Но создать нечто новое? Нечто уникальное? Это интересно.

Она подошла ближе, понизила голос.

— Я дам тебе силу завершить Конвергенцию без жертв. Ты станешь существом невероятной мощи. Ни светлым, ни тёмным. Балансом между жизнью и смертью.

— И что ты хочешь взамен?

Моргана улыбнулась.

— Его.

Она указала на Эдмонда, всё ещё лежащего без сознания у стены.

— Не убью, не верни. Просто... трансформирую. Сделаю таким, каким хотела сделать семь лет назад. Бессмертным. Моим вечным спутником.

— Ты хочешь превратить его в монстра.

— Я хочу превратить его в вампира, — поправила Моргана. — Красивого, могущественного, вечного. Разве это монстр? Он будет жить веками. Никогда не состарится. Никогда не заболеет. Разве это не дар?

— Дар, который он не хочет!

— Но дар, который спасёт его жизнь, — ведьма наклонила голову. — И твою. Ты завершишь Конвергенцию. Он станет бессмертным. Вы оба выживете. Просто... изменитесь.

Я смотрела на неё, на это древнее, прекрасное, абсолютно безумное существо.

И поняла ужасающую правду.

Она не лжёт.

Моргана Ле Фей — многое. Манипулятор, убийца, мстительница. Но не лгунья. Ложь для неё слишком проста, слишком скучна.

Она говорит правду. Извращённую, ужасную, но правду.

Либо Эдмонд умирает, питая мою трансформацию.

Либо он становится вампиром.

Либо я умираю, не завершив Конвергенцию.

— Сколько у меня времени на размышление? — спросила

я, голос звучал ровнее, чем я чувствовала.

Моргана улыбнулась — довольная, хищная.

— До полнолуния. Две недели и четыре дня. — Она развернулась, направляясь к разбитому окну. — Когда луна взойдёт, приходи в Тёмный лес. В самое сердце. Там, где деревья шепчут имена мёртвых. Я буду ждать.

— А если я не приду?

Ведьма обернулась, и в её фиолетовых глазах плясали огоньки безумия.

— Тогда посмотрим, как твоя любовь выдержит испытание его смертью. Интересный эксперимент, не находишь?

Она растворилась в вихре чёрного дыма.

Стена пламени погасла.

Я бросилась к Эдмонду, упала на колени рядом, перевернула его на спину.

— Эдмонд! Эдмонд, очнись!

Он застонал, веки дрогнули. Глаза открылись — дезориентированные, мутные.

— Роза...лин...

— Я здесь, — я прижала его голову к своей груди. — Всё в порядке. Она ушла.

— Что... что она хотела...

— Позже, — я целовала его лоб, щёки, губы. — Сейчас просто дыши. Ты в порядке. Мы оба в порядке.

Ложь. Такая горькая ложь.

Мы были очень далеки от "в порядке".

Но я не могла сказать ему правду. Не сейчас. Не когда он смотрел на меня с таким облегчением, с такой любовью.

Себастьян вбежал в оранжерею, бледный как полотно.

— Что произошло? Весь замок трясло!

— Моргана, — сказал Эдмонд, с моей помощью садясь.

— Она была здесь.

— Господи, — управляющий подошёл, помог принцу подняться. — Вы ранены?

— Нет. Просто... оглушён. — Эдмонд потёр затылок, поморщился. — Её сила выросла. Или моя ослабла с потерей проклятия.

Он посмотрел на меня, и я видела вопрос в его глазах.

Что она сказала тебе?

Но не озвучил его при Себастьяне.

— Помоги мне добраться до покоев, — попросил он управляющего. — И принеси все книги о вампиризме, что сможешь найти.

— Вампиризме? — Себастьян нахмурился. — Принц, зачем...

— Просто сделай это, — оборвал Эдмонд.

Он знал. Каким-то образом знал, что Моргана предложила.

Когда Себастьян ушёл, а мы остались в покоях Эдмонда, он наконец спросил:

— Что она предложила?

Я рассказала. Всё. О Конвергенции, о жертве, о выборе.

Его жизнь за мою силу. Или его бессмертие за нашу совместную жизнь.

Когда я закончила, он молчал долго. Стоял у окна, глядя на тёмный лес вдаль.

— Значит, выбор между смертью и проклятием, — сказал он наконец. — Опять.

— Эдмонд...

— Семь лет назад я выбрал неправильно, — он обернулся. — Позволил гордыне, похоти, глупости управлять мной. И поплатился. Пятеро невинных поплатились.

Он подошёл, взял мои руки в свои.

— Но сейчас я выбираю правильно. Выбираю тебя. Твою жизнь. Твою силу. Если цена — моё бессмертие, пусть будет так.

— Ты не понимаешь, — я сжала его пальцы. — Вампир — это не просто бессмертие. Это жажда крови. Потеря человечности. Ты станешь...

— Монстром? — он усмехнулся горько. — Милая, я был монстром семь лет. Думаешь, вампир хуже зверя?

— Это другое. Зверь появлялся раз в месяц. Вампир... это навсегда.

— Тогда навсегда, — он притянул меня к себе, обнял. — Если это означает, что ты выживешь, что мы будем вместе... я приму любое проклятие.

Слёзы хлынули из моих глаз.

— Это несправедливо. Ты только что освободился.

— И освободился благодаря тебе, — он отстранился, взял моё лицо в ладони. — Ты отдала себя, своё тело, свою магию, чтобы спасти меня. Теперь моя очередь. Позволь мне спасти тебя.

— Но вампир...

— Будет любить тебя так же сильно, как человек, — закончил он. — Может, даже сильнее. Вечно.

Он поцеловал меня, и в поцелуе была печаль, решимость, безграничная любовь.

— Две недели, — прошептал он, когда мы разорвали поцелуй. — У нас есть две недели, чтобы подготовиться. Изучить, что значит быть вампиром. Найти способ сделать переход... легче.

— Ты уверен?

— Нет, — признался он. — Я в ужасе. Но я также уверен, что не переживу твою смерть. Так что выбор, на самом деле, прост.

Он снова поцеловал меня, на этот раз глубже, отчаяннее.

— Две недели, чтобы быть человеком, — прошептал он мне в губы. — Две недели, чтобы любить тебя без жажды крови. Без необходимости скрываться от солнца. Давай не будем тратить их на страхи.

Он прав.

У нас так мало времени.

Я обвила руками его шею, притянула ближе.

— Тогда люби меня, — прошептала я. — Сейчас. Здесь.

Покажи мне, что значит быть любимой человеком, прежде чем ты станешь чем-то другим.

Его глаза потемнели, вспыхнули тем знакомым голодом.

— Осторожнее с желаниями, моя ведьма, — прорычал он, поднимая меня на руки. — Потому что когда я начну, не остановлюсь до рассвета.

— Обещание?

— Клятва.

Он понёс меня к кровати, и в последний раз за две недели мы были просто мужчиной и женщиной.

Человеком и целительницей.

Влюблёнными, у которых есть время.

Пока часы не начнут отсчитывать последние дни нашей человеческой любви.

Глава 5. ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДНЕЙ — ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Я проснулась от холода.

Не от температуры в комнате — камин пылал, наполняя покои теплом. Холод исходил изнутри, из самой сердцевины моего существа, где золотая целительская магия и тёмное проклятие вели бесконечную войну за доминирование.

Моё тело было полем битвы. И я проигрывала.

Я села на кровати, сжимая простыни дрожащими руками, пытаюсь отдышаться. Каждый вдох давался с трудом, словно воздух стал слишком густым, слишком тяжёлым.

Посмотрела на свои руки в тусклом свете углей.

Тёмные вены расползлись дальше. Теперь они покрывали не только предплечья, но и поднимались к плечам, тонкими алыми нитями пробираясь к ключицам. Узоры пульсировали в такт сердцебиению — золото, алое, золото, алое.

Красиво. Смертельно.

— Не спится?

Голос Эдмонда заставил меня вздрогнуть. Я обернулась.

Он стоял в дверном проёме, облокотившись на косяк, одетый только в свободные домашние брюки. Свет камина играл на его обнажённом торсе, подсвечивая каждую линию мышц, каждый шрам.

Он был прекрасен. Человечен. Живой.

Ещё четырнадцать дней.

Нет. Тринадцать. Первый уже начался.

— Сколько ты там стоишь? — спросила я хрипло.

— Достаточно долго, чтобы увидеть, как ты дрожишь, — он оттолкнулся от двери, подошёл к кровати. — Достаточно долго, чтобы почувствовать твою боль здесь. — Он приложил кулак к груди.

Магическая связь. Проклятая штука.

— Я в порядке, — солгала я.

Эдмонд усмехнулся без юмора, сел на край кровати.

— Мы оба ужасные лжецы, — сказал он, взяв мою руку. Его большой палец провёл по тёмным венам, и я почувствовала всплеск тепла. Его прикосновение успокаивало магиче-

ский шторм внутри меня. Временно.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила я, переплетая наши пальцы.

— Напуганным, — честно ответил он. — Злым. Отчаявшимся. — Пауза. — Благодарным.

Последнее слово удивило меня.

— Благодарным?

Он поднял наши сплетённые руки, поцеловал мои костяшки.

— У меня есть четырнадцать дней. Четырнадцать дней, чтобы быть человеком с женщиной, которую люблю. Семь лет назад, когда проклятие обрушилось на меня, я думал, что никогда не буду свободен. Что умру зверем. Одиноким. Ненавидимым.

Его взгляд встретился с моим, и в серо-голубых глазах горел огонь.

— Но ты пришла. Ты разрушила проклятие. Да, ценой стала твоя жизнь и моя человечность. Но эти четырнадцать дней... — его голос надломился, — это больше, чем я надеялся когда-либо получить. Так что да. Я благодарен.

Слёзы хлынули из моих глаз прежде, чем я успела их остановить.

Эдмонд притянул меня к себе, и я разрыдалась на его груди — все страхи, вся боль, весь ужас последних дней вырывались наружу неконтролируемыми всхлипами.

— Прости, — бормотала я между рыданиями. — Прости,

прости, прости...

— За что? — он гладил мои волосы, качал, как ребёнка.

— За всё. За то, что не смогла по-настоящему разрушить проклятие. За то, что ты становишься вампиром. За то, что я слабая и напуганная, и не знаю, смогу ли пережить Конвергенцию...

— Эй, — он взял моё лицо в ладони, заставил посмотреть на него. — Ты самая сильная, самая храбрая, самая безрасчётная женщина, которую я знал. Ты пожертвовала всем ради меня. Своей магией. Своим телом. Своим будущим.

Он вытер слёзы большими пальцами.

— Если кто и должен извиняться, так это я. За то, что не смог защитить тебя от последствий. За то, что моё прошлое разрушает твоё настоящее.

— Мы оба идиоты, — всхлипнула я.

— Согласен, — он улыбнулся, но улыбка была печальной.

— Два идиота, влюблённых друг в друга, идущих навстречу катастрофе.

— Романтично, — я фыркнула сквозь слёзы.

— Трагично, — поправил он. — Но я бы не изменил ничего.

Он поцеловал меня — нежно, медленно, как обещание и прощание одновременно.

Когда мы оторвались друг от друга, первые лучи рассвета просочились сквозь тяжёлые шторы.

Эдмонд резко отстранился, посмотрел на окно.

— Который час?

— Рассвет, — прошептала я.

Что-то изменилось в его лице. Напряжение. Отчаяние. Решимость.

Он встал с кровати, подошёл к окну, рывком распахнул шторы настежь.

Золотой утренний свет затопил комнату, и Эдмонд стоял в центре этого потока, раскинув руки, запрокинув голову.

— Что ты делаешь? — спросила я, щурясь от яркости.

— Запоминаю, — его голос был хриплым. — Тепло солнца на коже. Свет, который не причиняет боли. Способность стоять при дневном свете без страха обратиться в пепел.

Он медленно опустил руки, повернулся ко мне. Свет позади создавал ореол вокруг его головы.

— Ещё тринадцать рассветов, — прошептал он. — Тринадцать раз я смогу увидеть, как просыпается мир. Потом... никогда больше.

Боль в его голосе была физической.

Я встала, подошла к нему, взяла за руку.

— Тогда давай не будем тратить ни секунды, — сказала я твёрдо. — Покажи мне. Покажи всё, что ты любишь в дневном свете. Дай мне запомнить тебя таким — человеком, принцем, мужчиной без тьмы.

Что-то вспыхнуло в его взгляде.

— У меня есть идея, — он потянул меня к двери. — Одевайся. Что-то простое. Мы уходим.

— Куда?

— Туда, где я не был семь лет, — улыбка коснулась его губ — первая настоящая улыбка за дни. — В мир за стенами этого проклятого замка.

Час спустя мы скакали по лесной тропе на двух лошадях из конюшен замка Аркаин.

Я не ездила верхом с детства, и каждый толчок отдавался болью в мышцах. Но я не жаловалась. Не могла. Не когда видела выражение чистой радости на лице Эдмонда.

Он мчался впереди на чёрном жеребце, волосы развевались на ветру, солнце играло на его коже. Он был свободен. Живой. Прекрасный в своей человечности.

— Быстрее! — крикнул он через плечо, смеясь.

Смеясь.

Когда я в последний раз слышала его смех?

Я подстегнула свою лошадь, догнала его. Мы неслись бок о бок по лесу, перепрыгивая через упавшие брёвна, уклоняясь от низких веток.

Это было безумие. Опасно. Совершенно безответственно.

Это было идеально.

Наконец, Эдмонд остановился на небольшой поляне, окружённой дубами. Солнечный свет проникал сквозь листву золотыми столбами.

Я подъехала следом, спешила. Ноги подкосились — слишком долго в седле.

Эдмонд подхватил меня прежде, чем я упала, засмеялся.

— Забыл, что ты не привыкла скакать как безумная.

— В следующий раз предупреди, — проворчала я, но улыбалась.

Он опустил меня на ноги, но не отпустил. Просто держал, прижав к себе, лицом к солнцу.

— Это место, — сказал он тихо, — было моим убежищем в детстве. Когда отец злился, когда придворные интриги становились невыносимыми... я приходил сюда. Сидел часами, просто слушая лес.

Он обернулся ко мне.

— Последний раз я был здесь в день, когда встретил Моргану. День перед проклятием.

Его руки сжались на моей талии.

— Хочу, чтобы новое воспоминание об этом месте было с тобой. Светлым. Полным надежды.

Я притянула его голову вниз, поцеловала жёстко.

— Тогда создадим новое воспоминание, — прошептала я. — Прямо сейчас.

Его глаза потемнели, вспыхнули знакомым голодом.

— Здесь? — голос стал хриплым. — Под открытым небом?

— Здесь, — подтвердила я, расстёгивая его рубашку. — В свете дня. Пока ты всё ещё можешь чувствовать солнце на коже.

Что-то сломалось в нём.

Он развернул меня, прижал спиной к широкому стволу дуба, накрыл своим телом.

— Ты уверена? — выдохнул он, руки уже задирали мою юбку.

— Уверена, — я обвила руками его шею. — Люби меня, Эдмонд. Как человек. Пока ещё можешь.

Последние слова что-то высвободили в нём.

Он вошёл в меня одним мощным толчком, прижимая к дереву. Я задохнулась от внезапной полноты, от интенсивности.

— Моя, — рычал он, двигаясь жёстко, глубоко. — Моя, моя, моя...

— Твоя, — задыхалась я, вцепившись в его плечи. — Всегда твоя.

Солнечный свет пробивался сквозь листву, окрашивая нашу дикую близость в золото. Птицы пели над головами. Ветер шептал сквозь ветви.

Мир был жив. Прекрасен. Полон обещаний.

И мы любили друг друга в этой красоте, словно могли её удержать. Словно могли остановить время.

Когда мы оба взорвались, кричащие имена друг друга в лесную тишину, я почувствовала что-то изменилось.

Магия внутри меня... успокоилась. Золото и алое перестали бороться. На короткий момент они слились в гармонии.

Эдмонд почувствовал это тоже. Я видела по его расширенным зрачкам, по тому, как он замер.

— Что это было? — прошептал он.

— Конвергенция, — я прижалась лбом к его подбородку, всё ещё дрожа от послешоков оргазма. — Когда мы вместе... магия успокаивается. Находит баланс.

Он осторожно вышел из меня, опустил мою юбку, но не отпустил.

— Значит, близость помогает?

— Кажется, да.

Тёмная улыбка коснулась его губ.

— Тогда, полагаю, мне придётся трахать тебя так часто, как только возможно. В медицинских целях, конечно.

Я фыркнула.

— Конечно. Строго медицинских.

Мы стояли так, сплетённые, пока дыхание не выровнялось, пока солнце не поднялось выше.

— День первый, — повторил Эдмонд тихо, целуя мою макушку. — И он уже лучший за последние семь лет.

Я улыбнулась, прижимаясь к его груди, слушая ровное биеие его сердца. Живое. Тёплое. Человеческое.

Ещё тринадцать дней этого звука.

Мысль отрезвила меня мгновенно.

Эдмонд почувствовал, как я напряглась.

— Не думай об этом, — прошептал он. — Не сейчас. Сейчас мы здесь. Живые. Вместе.

— Как ты можешь не думать? — я отстранилась, посмотрела ему в глаза. — Каждая секунда приближает нас к...

— К неизбежному, — закончил он. — Я знаю. Верь мне, я знаю. Каждый удар сердца напоминает мне, что скоро оно будет биться раз в минуту. Каждый вдох — что дыхание станет ненужным. Каждый луч солнца — что свет станет моим врагом.

Его руки сжались на моих плечах.

— Но если я позволю страху поглотить меня сейчас, то потрачу впустую то небольшое время, что у нас есть. И это... — его голос надломился, — это единственное, чего я по-настоящему боюсь. Потратить впустую время с тобой.

Слёзы снова защипали глаза, но я заставила себя улыбнуться.

— Тогда не будем тратить, — я взяла его за руку. — Покажи мне ещё. Покажи всё, что ты любишь. Все места, все моменты. Дай мне узнать Эдмонда-человека полностью, прежде чем он изменится.

Что-то мягкое и болезненно нежное промелькнуло в его взгляде.

— Идём, — он потянул меня к лошадям. — Есть ещё одно место.

Мы ехали медленнее на обратном пути, наслаждаясь теплом дня, пением птиц, шелестом листвы над головами.

Эдмонд рассказывал истории — о своём детстве в этих лесах, о охоте с отцом, о том, как впервые упал с лошади и сломал руку.

— Мне было восемь, — смеялся он. — И я клялся матери, что никогда больше не сяду в седло. Конечно, через неделю уже снова скакал.

— Упрямый даже тогда, — подразнила я.

— Семейная черта, — он подмигнул. — Аркаины не сдаются. Даже когда должны.

Мы выехали к небольшому озеру, спрятанному в чаще леса. Вода была кристально чистой, отражая небо.

— Здесь, — Эдмонд спешил, помог мне сойти, — я научился плавать. Мне было пять. Отец просто бросил меня в воду и сказал: выплывешь или утонешь.

— Жестоко, — поморщилась я.

— Эффективно, — он пожал плечами. — Я выплыл. И полюбил воду с того дня.

Он стянул рубашку, начал расстёгивать брюки.

— Что ты делаешь? — спросила я, хотя ответ был очевиден.

— Плаваю, — он сбросил последнюю одежду, стоя передо мной абсолютно обнажённым в дневном свете. — Присоединишься?

Я оглядела озеро. Вода выглядела холодной.

— Не уверена...

— Розалин Эвергрин, — он подошёл, начал расстёгивать моё платье, — ты согласилась разделить со мной последние четырнадцать дней моей человечности. Это включает все глупости, которые я хочу совершить.

— Плавание в холодной воде — это глупость?

— Абсолютная, — он стянул платье с моих плеч. — Но я хочу чувствовать. Холод. Шок. Жизнь, бегущую по венам, когда ты погружаешься в ледяную воду.

Он снял последний слой ткани, и я стояла обнажённая, как и он.

— Пока я ещё могу чувствовать, — прошептал он, проводя пальцами по моей щеке. — Пока холод — это просто холод. Не постоянное состояние моего существования.

Он взял мою руку, потянул к воде.

Первое прикосновение воды к пальцам ног заставило меня взвизгнуть.

— Она ледяная!

— Я знаю, — Эдмонд засмеялся, затащил меня глубже. — Разве не прекрасно?

Вода дошла до колен, до бёдер, до талии. Мои зубы стучали.

— П-прекрасно — не то слово...

— Тогда какое? — он притянул меня к себе, его тело было тёплым против холода озера.

— Б-безумие, — выдавила я.

— Лучше, — он поцеловал меня, и его губы были горячими, контрастируя с ледяной водой вокруг.

Потом нырнул, утащив меня под воду.

Шок отнял дыхание. Холод обжигал каждый дюйм кожи. Но в то же время... это было живо. Интенсивно. Реально.

Мы выплыли на поверхность, задыхаясь, смеясь.

— Ты сумасшедший! — кричала я, брызгая в него водой.

— И ты любишь меня таким! — он подхватил меня, закружил в воде.

И в этот момент, замёрзшая до костей, смеющаяся до слёз, я поняла.

Он был прав.

Эти четырнадцать дней были даром. Последним шансом жить полностью, чувствовать всё, быть просто людьми, влюблёнными друг в друга.

Без проклятий. Без магии. Без тьмы, нависающей над головами.

Только сейчас. Только это.

Мы плавали до тех пор, пока губы не посинели от холода. Потом выбрались на берег, рухнули на тёплую траву под солнцем.

Эдмонд притянул меня к себе, укрыл своим телом. Мы лежали так, переплетённые, нагретые солнцем, высыхающие на ветру.

— Спасибо, — прошептал он мне в волосы.

— За что?

— За то, что не дала мне провести эти дни в библиотеке, роюсь в проклятых книгах, ища решение, которого нет. — Он поцеловал мою макушку. — За то, что напомнила мне, как жить.

Я повернулась в его объятиях, посмотрела ему в глаза.

— Обещай мне что-то.

— Что угодно.

— Что мы проведём каждый из оставшихся тринадцати дней так же, — сказала я серьёзно. — Живя. Не готовясь к смерти, а праздную жизнь. Можем?

Эдмонд молчал долго, изучая моё лицо.

— Можем попробовать, — сказал он наконец. — Но есть вещи, которые нужно сделать. Подготовка к ритуалу. Изучение того, что произойдёт. Себастьян должен знать, как действовать, если что-то пойдёт не так...

— День, — перебила я. — Дай мне один день. Этот день. Без планирования. Без страха. Только мы.

Он посмотрел на солнце, уже клонящееся к полудню.

— Полдня, — поправил он с кривой усмешкой. — Ты уже потратила утро на то, чтобы затащить меня в ледяное озеро.

— Ты сам затащил, — возразила я.

— Детали, — он поднялся, потянул меня за собой. — Идём. Есть ещё одно место, которое я хочу показать, прежде чем вернёмся.

Мы оделись — одежда прилипала к влажной коже — и снова сели в сёдла.

Эдмонд вёл меня глубже в лес, по едва заметной тропе, заросшей папоротниками и диким виноградом.

Наконец, мы вышли к руинам.

Старая каменная башня, наполовину обрушенная, покрытая плющом. Вокруг неё валялись остатки стен — всё, что

осталось от какого-то древнего строения.

— Что это? — спросила я, спешиваясь.

— Старый охотничий домик, — Эдмонд провёл ладонью по камням. — Принадлежал моему прадеду. Сгорел в пожаре за пятьдесят лет до моего рождения. Никто не восстанавливал. Слишком далеко от замка, слишком изолированно.

Он вошёл внутрь через проём, где когда-то была дверь.

Внутри было удивительно сохранно. Крыша частично уцелела, защищая от дождя. Старый камин всё ещё стоял у дальней стены.

— Я прятался здесь, — сказал Эдмонд тихо, — когда проклятие только обрушилось на меня. Первые трансформации были... ужасны. Я не контролировал зверя. Боялся, что убью кого-то. Поэтому приходил сюда, запирался в подвале. — Он кивнул на люк в полу.

— В подвале этих руин?

— Он сохранился лучше всего. Каменный. Прочный. Я приносил цепи, запирал себя на ночь полнолуния. — Его голос был лишён эмоций, но я видела напряжение в линии плеч. — Первый год проклятия я проводил каждое полнолуние здесь. Один. Терзаемый зверем. Просыпался в крови — своей и животных, которых зверь убивал, когда вырывался.

Я подошла, обняла его сзади.

— Ты не должен был переживать это один.

— Не было выбора, — он накрыл мои руки своими. — Себастьян хотел помочь, но я не мог рисковать. Не мог поз-

волить ему увидеть меня таким. Монстром.

Он развернулся в моих объятиях.

— Но потом я понял — изоляция не работает. Зверь не становился слабее. Становился сильнее, питаюсь моим одиночеством, моим отчаянием. Поэтому я вернулся в замок. Позволил Себастьяну помочь. Создал систему.

— Подземелье с серебряными цепями, — кивнула я.

— Да. Более гуманное, чем это место. — Он оглядел руины. — Но иногда, в особенно плохие ночи, я всё ещё приходил сюда. Потому что здесь... здесь я мог кричать, и никто не слышал. Мог разрушить всё вокруг, и никому не было дела.

Он притянул меня к себе, уткнулся лицом в мои волосы.

— Я привёл тебя сюда, потому что хочу, чтобы ты знала. Знала худшее. Самое тёмное. Все места, где я страдал. Потому что когда я стану вампиром... — он сглотнул, — эти воспоминания могут быть всем, что осталось от человека, которым я был.

Я отстранилась, взяла его лицо в ладони.

— Послушай меня внимательно, — сказала я яростно. — Ты не потеряешь себя. Не позволю. Эти воспоминания, эта боль, эта тьма — они часть тебя. Но не всё, что ты есть.

Я поцеловала его яростно, вкладывая в поцелуй всю свою убеждённость

— Ты также тот, кто смеялся в озере сегодня. Кто показал мне своё убежище в лесу. Кто любит меня так сильно, что готов стать монстром, чтобы я выжила. Это тоже ты. И эту

часть я не позволю тебе забыть.

Что-то сломалось в его взгляде. Защита, которую он держал так тщательно, рухнула.

Он поцеловал меня отчаянно, толкнул к стене, прижал своим телом.

— Ты моё спасение, — бормотал он между поцелуями. — Мой свет. Моя чертова надежда.

Его руки скользили по моему телу — жадно, требовательно, словно пытался запомнить каждую линию, каждый изгиб.

— Эдмонд, — выдохнула я, когда его губы переместились на шею. — Здесь?

— Здесь, — прорычал он, задирая мою юбку. — В месте моей боли. Хочу заменить воспоминания. Хочу, чтобы когда я вспоминал эти руины, я видел не монстра в цепях. А тебя. Нас.

Он поднял меня, прижал к холодному камню стены. Я обвила ногами его талию, руками обхватила плечи.

— Да, — прошептала я. — Да, замени их. Сотри тьму.

Он вошёл одним мощным толчком, вырывая у меня крик.

Не было нежности в том, как он двигался. Только отчаяние, страсть, потребность стереть прошлое и создать что-то новое на его руинах.

Я встречала каждый толчок, впиваясь ногтями в его плечи, целуя, кусая, помечая его так же, как он помечал меня.

— Моя, — рычала я в ответ на его бормотание. — Мой.

Навсегда мой.

— Навсегда, — задыхался он. — В этой жизни и следующей. Человеком или монстром. Твой.

Мы взорвались одновременно, кричащие в руины, в лес, в небо. Магия вспыхнула между нами — золотая и алая, сплетаясь в ослепительный вихрь.

На мгновение стены вокруг засветились. Древние камни впитали нашу силу, наше слияние.

Когда свет погас, я увидела: плющ на стенах расцвёл. Чёрные и золотые цветы покрыли камни — прекрасные, невозможные, рождённые из моей изменённой магии.

— Господи, — прошептал Эдмонд, всё ещё держа меня. — Что ты сделала?

— Мы, — поправила я, глядя на цветы. — Мы сделали. Наша магия, наша связь... она меняет всё вокруг.

Он осторожно опустил меня на ноги, но не отпустил.

— Эти цветы... они не должны существовать.

— Как и я, — грустно улыбнулась я. — Как и ты, скоро. Мы все становимся невозможным.

Эдмонд сорвал один цветок — лепестки были чёрными как ночь, но сердцевина светилась золотом.

— Прекрасное невозможное, — прошептал он, вплетая цветок мне в волосы. — Как и ты.

Мы вышли из руин рука об руку. Солнце уже клонилось к закату — день пролетел быстрее, чем я думала.

— Нам нужно возвращаться, — сказал Эдмонд неохотно.

— Себастьян, должно быть, волнуется.

— Ещё немного, — попросила я. — Хочу увидеть закат с тобой. Первый из тринадцати.

Он улыбнулся, поднёс мою руку к губам, поцеловал костяшки.

— Как скажешь, моя госпожа.

Мы нашли возвышение неподалёку — старый холм, покрытый мягкой травой. Уселись там, и я устроилась между его ногами, спиной к его груди.

Эдмонд обнял меня, подбородком устроился на моей макушке.

— Смотри, — прошептал он, когда солнце коснулось линии горизонта.

Небо взорвалось цветом. Оранжевый, розовый, багровый, фиолетовый — все оттенки огня и страсти.

— Красиво, — выдохнула я.

— Да, — его руки сжались на моей талии. — И через тринадцать дней я больше никогда этого не увижу.

Я переплела наши пальцы.

— Тогда смотри сейчас. Запоминай. И когда станешь вампиром, когда закаты будут для тебя недоступны... я буду описывать их тебе. Каждый. Буду твоими глазами при дневном свете.

Он прижался губами к моей шее — не поцелуй, просто прикосновение.

— Обещаешь?

— Клянусь.

Мы сидели, пока последний луч не исчез за горизонтом. Пока небо не потемнело, уступая место звёздам.

— День первый, — прошептал Эдмонд в сгущающихся сумерках. — Подходит к концу.

— Но был прекрасен, — я повернула голову, поцеловала его челюсть. — Правда?

— Лучший за семь лет, — он помог мне подняться. — Спасибо. За то, что вытащила меня из замка. Из моей головы. Из тьмы.

— Благодарю тебя после четырнадцатого дня, — сказала я, направляясь к лошадям. — Когда мы оба выживем.

— Оптимистка, — он посадил меня в седло.

— Кто-то должен быть, — я взяла поводья. — Ты слишком склонен к драме.

Он рассмеялся — настоящий, живой смех.

— Справедливое замечание.

Мы поехали обратно в замок неторопливо, наслаждаясь прохладой вечера, первыми звёздами на небе.

Себастьян встретил нас у конюшен, лицо его было мрачным.

— Где вы были? — спросил он резко. — Я обыскал весь замок!

— Извини, — Эдмонд спешил, помог мне. — Нужно было выбраться. Очистить голову.

— На целый день? Без сопровождения? Без защиты? —

управляющий был явно взволнован. — Если бы что-то случилось...

— Ничего не случилось, — я положила руку на плечо Себастьяна. — Мы в порядке. Обещаю.

Он посмотрел на меня, потом на принца, потом снова на меня. Что-то изменилось в его выражении.

— Вы оба светитесь, — сказал он тихо. — Буквально. Смотрите.

Я подняла руку. Он был прав. Золотое и алое свечение пульсировало под кожей, ярче, чем утром.

— Конвергенция ускоряется, — прошептала я.

— Или близость с принцем катализирует процесс, — Себастьян нахмурился. — Вам нужен отдых. Обоим. И завтра мы должны начать подготовку к ритуалу. Времени остаётся всё меньше.

Эдмонд взял меня за руку.

— Завтра, — согласился он. — Но сегодня... сегодня был наш.

Себастьян вздохнул, но кивнул.

— Хорошо. Я распорядился, чтобы ужин подали в ваших покоях. Отдыхайте.

Когда мы поднимались по лестнице к покоям, я чувствовала усталость, накатывающую волнами. День был долгим, интенсивным, полным эмоций.

Но также был прекрасным.

— Ты правда светишься, — заметил Эдмонд, открывая

дверь. — Ярче, чем когда-либо.

— Это плохо?

— Не знаю, — честно признался он. — Но красиво.

В покоях нас ждал накрытый стол — простая еда, но обильная. Хлеб, сыр, жареное мясо, фрукты, вино.

Мы ели молча, слишком уставшие для разговоров. Но это было комфортное молчание близости.

Когда закончили, Эдмонд встал, протянул руку.

— Пойдём со мной.

Он провёл меня в ванную комнату, где уже была приготовлена горячая ванна. Пар поднимался от воды, ароматизированной лавандой.

— Себастьян думает обо всём, — улыбнулась я.

— Он хороший человек, — Эдмонд начал расстёгивать моё платье. — Слишком хороший для меня.

— Он любит тебя, — я помогла ему снять рубашку. — Как брата.

— Знаю, — он вздохнул. — Поэтому так тяжело. Знать, что я разобью ему сердце, когда превращусь.

Я развернулась, взяла его лицо в ладони.

— Хватит, — сказала я твёрдо. — Хватит думать о том, что будет. Ты обещал мне сегодняшний день. Он ещё не закончился.

Эдмонд прикрыл глаза, прислонился к моим ладоням.

— Ты права. Прости.

Я поцеловала его мягко.

— Не извиняйся. Просто будь здесь. Со мной. Сейчас.

Мы разделись полностью, погрузились в горячую воду вместе. Я села между его ног, спиной к его груди — наша любимая позиция.

Эдмонд взял мочалку, начал медленно мыть мою спину, плечи, руки.

— Я думал сегодня, — сказал он тихо, — пока мы были в лесу. О том, что значит быть человеком.

— И к какому выводу пришёл?

— Что это не о дыхании или сердцебиении, — его руки скользили по моей коже нежно. — Это о выборе. О способности любить, бояться, надеяться. О связи с другими.

Он повернул мою голову, поцеловал висок.

— И если я смогу сохранить это... способность чувствовать, любить, выбирать... тогда, может быть, я останусь человеком. Даже в теле вампира.

Я переплела наши мокрые пальцы.

— Останешься, — прошептала я. — Потому что я не позволю тебе потеряться.

Мы лежали в воде, пока она не остыла. Потом Эдмонд вынес меня на руках, завернул в мягкое полотенце, уложил в кровать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.